

Римские хроники

Роман Буревой
Тайна Нереиды

«Автор»

Буревой Р.

Тайна Нереиды / Р. Буревой — «Автор», — (Римские хроники)

Римский мир пошатнулся. Империи угрожают варвары-монголы, в самом Риме зреет заговор, в его лабораториях втайне от сената создается опаснейшее оружие, и даже собственные боги вот-вот отвернутся от Рима...И тогда один бывший гладиатор, а ныне наследник римского престола, сенатор Элий отправляется воевать с варварами. А другой победитель Игр, Юний Вер, пытается раскрыть тайну гибели римской когорты специального назначения «Нереида».

© Буревой Р.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава I	6
Глава II	17
Глава III	24
Глава IV	30
Глава V	46
Глава VI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роман Буревой Тайна Нереиды

*«Все вмещает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир...»*

Вергилий.

(пер. С. Ошерова)

ЧАСТЬ I

Глава I

Игры фрументария Квинта

«Вчера состоялось закрытое заседание сената. Как всегда, в таких случаях, протокол не велся. Известно лишь, что Цезарь обратился к сенату с просьбой открыть Сивиллины¹ книги. Сенат согласился. Решение принято большинством голосов. Чем вызвана просьба Цезаря, держится в тайне. Стоит ли напоминать, что сенат принимает решение открыть Сивиллины книги, когда наступают смутные времена.

Когда-то Кумская Сивилла явилась к Римскому царю Тарквинию Гордому и предложила купить девять книг предсказаний за триста золотых. Царь отказался. Тогда Сивилла сожгла три книги и потребовала за оставшиеся те же деньги. Опять последовал отказ. Сивилла сожгла следующие три свитка и снова запросила прежнюю цену, грозя уничтожить все. Царь наконец заглянул в книги, был поражен и велел заплатить Сивилле золотом. Это так похоже на людей – сначала перечить и отказываться, а потом платить полную цену за уцелевшие остатки.

Что предрекут нам Сивиллины книги в этот раз? Какое чудовищное жертвоприношение? Какой немислимый обряд? Неведомо. Но последний свиток развернут почти до конца. Мы приближаемся к «сожженной» части истории. Далее предсказаний нет».
«Акта диурна», 10-й день до Календ октября².

I

Черноволосый парень лет двадцати семи, два дня как не бритый, в грязной тунике и желто-красных брюках, продранных на одном колене, расположился прямо на мостовой в тени огромного дуба. Медная табличка говорила, что дуб этот посажен самим императором Адрианом. Дуб был очень стар: кора своими наплывами почти полностью поглотила чужеродную медь. Тень от дерева падала с истинно императорской щедростью, ее лиловый круг давал приют десятку мелких торговцев, да еще умудрялся прикрыть ряды Нового Тибурского рынка. Туристы, посетив виллу Адриана и полюбовавшись знаменитым водопадом, непременно заглядывали на рынок, а потом шли обедать в таверну рядом с круглым храмом Сивиллы.

Парень в грязной тунике выставил из парусиновой сумки тупоносую морду беспородного щенка и выкрикивал пронзительным голосом уличного зазывалы:

– Родословная самого Цербера. Квириты, не проходите мимо, родословная самого Цербера! Всего сто сестерциев!

Он буквально схватил за тогу хромающего мимо человека. Тот обернулся и глянул с удивлением, не ожидая подобной фамильярности. Но глянул без злобы, скорее с любопытством.

¹ В Сивиллиных книгах содержались пророчества и указания, что делать, дабы избежать бед: ввести новый культ, произвести жертвоприношения и т. д. Книги хранились в храме Юпитера Капитолийского и их открывали только по решению сената. Хранили и толковали книги особые жрецы – квиндецивиры. Для простых смертных книги были запретны.

² 22 сентября.

– Потомок Цербера, – повторил торговец. – Отдаю почти даром.

Хромоногий посмотрел на щенка и улыбнулся половиной рта. Впрочем, такая полумешка не портила его лицо. Нос прохожего был необыкновенно тонок, и к тому же крив. Прямые черные волосы начесаны на высокий лоб не по моде, будто человек хотел скрыть вышину лба под низко обрезанной челкой. Светлые глаза он то и дело щурил или вовсе закрывал, будто тяжело было ему глядеть на окружающий мир. В руке прохожий держал два очень древних кодекса, и значит, шел не на рынок, а в старинную библиотеку при храме Геркулеса. Быть может, еще сам Адриан читал эти книги.

– Если щенок столь благородной крови, то он должен быть трехголов, не так ли? – спросил прохожий.

– Это дед его Цербер, трехголовый, а папаша был уже двухголов, а сам он, как видишь, доминус, об одной голове.

– А щенки твоего замечательного пса и вовсе окажутся безголовыми, – предположил прохожий.

Продавец хихикнул, но сбить с исходной позиции его было не просто.

– Нет, все не так, доминус. Мамаша у него была одноголовая. И значит, детки у нашего красавца вполне могут быть трехголовы. Вы, верно, слышали про генетику? В Афинской академии очень неплохая кафедра генетики, не говоря уже об Александрийской.

Прохожий уже позабыл, куда шел и зачем. Он вообще о многом позабыл, даже забыл щуриться. Солнце его больше не слепило.

– Пес тебе нужен как никому другому, – продолжал втолковывать пройдоха.

– Это отчего же? – Черноволосый потрепал щенка по мохнатой голове.

Пес приоткрыл слепленный дремотой глаз и через силу лизнул протянутую руку.

– Оттого, доминус, что тебе нужен собственный соглядатай, – мечтательно глядя на статую Адриана, продолжал продавец собаки. – А я, доминус, лучший соглядатай во всей Империи. И ты никогда не раскаешься, если возьмешь меня на службу.

– В качестве кого?

– Секретарем. У Цезаря должен быть секретарь, доминус. И соглядатай по совместительству. Лучшего соглядатая тебе не найти. Выигрывает тот, кто лучше подглядывает. Это закон.

– Чей?

– Мой. Спешу заметить, что Руфин, будучи Цезарем, тоже держал под видом секретарей личных фрументариев, и те люди вскоре очень быстро пошли наверх.

– Надеешься сделать быструю карьеру? – Лицо Цезаря посуровело, и он вновь прикрыл глаза, и даже прислонился к колонне из розового мрамора, на вершине которой бронзовый Меркурий мчался по своим делам, но как ни спешил, не мог сдвинуться с места. При этом Цезарь по-аистинному подогнул правую ногу.

«Искалеченная нога ноет к перемене погоды, – подумал хозяин щенка. – И вправду, ночью обещали дождь».

Какой-то мальчишка лет двенадцати, радостно вопя, протащил мимо них огромную коричнево-красную змею. Туловище убитой гадины волочилось по мостовой, плоская голова была забрызгана чем-то белым, блестящим. Следом за мальчуганом мчались двое друзей, размахивая палками. Вигил, дежуривший у ворот рынка, шагнул им навстречу, и троица разом остановилась.

– Мы поймали ее в саду, – объяснил мальчишка и бросил мертвую змею в пыль.

Несколько человек тотчас их окружили.

– Здоровая, никогда таких не видел. – Вигил присел на корточки и принялся рассматривать убитую тварь. – Верно, какой-то неизвестный, считавшийся вымершим вид. Я вчера в подвале тоже видел длиннющую змеюку, но куда меньше этой.

– Еще одного гения убили, – сказал хозяин щенка. – Прежде его всячески улещивали, оставляли яйца и фрукты на алтаре, а теперь прибили ни за что. Хочешь поговорить о гениях?

– Нет.

– Так о чем-то ты хочешь поговорить? К примеру, о переменах, грядущих в Риме. Может быть, о предстоящей свадьбе Августа?

– Свадьба Августа? Что за абсурд? – пожал плечами Элий. – Разве император овдовел? Насколько я знаю, вчера вечером Августа пребывала в добром здравии.

– И сегодня утром тоже. Но это ничего не значит. Император все равно женится...

– На ком?

– Твой секретарь мог бы ответить на такой вопрос...

– Как тебя зовут?

– Называй меня Квинтом. Потом я, может быть, сообщу тебе другое имя.

– Иди за мной, Квинт, – приказал Элий.

И зашагал назад к воротам императорского поместья, так и не посетив библиотеки. Квинт вскочил, перекинул сумку со щенком через плечо, и бодрым, пружинистым шагом двинулся следом, без труда нагнал Цезаря и зашагал рядом. Походка Цезаря была некрасива. И люди, встречавшие Элия на улице, никогда не смотрели на его ноги. Квинт же напротив, бесцеремонно пялился на голени Цезаря, обтянутые шерстяными носками и зашнурованные в высокие кожаные кальцеи. Внешне они напоминали котурны, те, что носят трагики. Да еще неженки и щеголи. Обувь императора и сенаторов похожа на котурны. Но на улице Элий носил заурядную ортопедическую обувь. Правая нога была несколько короче, но нетрудно было заметить, что изуродованы обе ноги, только правая срослась куда хуже левой.

– И зачем так измываться над собой, когда носилки домчат до поместья за десять минут? – Квинт, казалось, позабыл, с кем разговаривает. – Или ты ищешь популярности племса? Кандидаты в сенаторы, пока добиваются должности и носят белоснежную тогу, тоже любят прошвырнуться пешочком от курии до Колизея. Но стоит им получить пурпурную полоску, они тут же пересаживаются в авто, причем самые шикарные.

– Объяснение гораздо проще. Мне надо постоянно двигаться, иначе я вообще не смогу ходить, – признался Элий.

– Боишься, что сенат лишит тебя права наследовать Руфину, если превратишься в калеку?

Цезарь резко повернулся и глянул в упор на Квинта. Любой другой тут же смешался бы. Но Квинт лишь отступил на шаг и шутливо поднял руки.

– Я понял: ты не калека. Ты подхватил насморк, но теперь ты выздоравливаешь. И Руфин предоставил в твоё распоряжение поместье, пока не перестанешь чихать. Я читал об этом в «Акте диурне». Что ж, придется принять официальную версию.

– «Акта диурна» пишет правду. *Как всегда.*

– Но тебе непременно нужен пес. Цербер для тебя просто находка. И тысяча сестерциев за такую собаку – смехотворная цена.

– На рынке ты требовал всего лишь сотню.

– Не может быть! – неподдельно изумился Квинт.

– Со слухом у меня все в порядке.

– Ну, хорошо, отдам щеночка за пятьсот. Не может собака Цезаря стоить сто сестерциев. Это неприлично.

– У меня нет лишних пяти сотен на подобные прихоти. – Элий уже стал уставать от болтовни фрументария. Но за возможность услышать о тайных интригах двора он был готов стерпеть многое.

– Разве Гай Элий Мессий Деций не сделался Цезарем, наследником императора Руфина? Или «Акта диурна» ввела доверчивый римский народ в заблуждение?

- Да, я – Цезарь, но не имею права брать на свои прихоти деньги из казны.
 - Пес – это не прихоть. Пес – жизненная необходимость. И я – тоже необходимость.
 - Сколько же стоит эта необходимость?
 - Десять тысяч в месяц. Мне лично. Остальные агенты обойдутся дешевле.
 - Ни одному секретарю не платят столько. Мой личный секретарь Тиберий получает вдвое меньше.
 - Цезарь, друг мой, не будем экономить на мелочах.
 - Разве я называл тебя своим другом? – удивился Элий.
 - Хороший соглядатай должен быть другом своего господина. Иначе он будет плохо служить. Поэтому я и прошу десять тысяч. Другу нельзя платить меньше.
 - Хорошо. Но собака стоит сотню.
- Вместо ответа Квинт тяжело вздохнул.

Поместье Адриана окружали столетние оливковые рощи. Два преторианца в броненагрудниках с накладными бронзовыми орлами взяли винтовки наизготовку, ворота распахнулись перед Элием. Квинт вошел следом с таким видом, будто всю жизнь прожил в Тибуре и знал здесь все закоулки.

– Говорят в Ноны и Иды в поместье пускают посетителей? – поинтересовался Квинт, оглядываясь.

Нигде деревья не растут так пышно, как здесь. Ножницам садовника постоянно приходилось смирять это буйство, превращая кроны то в пирамиды и шары, то в причудливые аркады. Лишь кипарисы траурными свечами тянулись к небу. Однако лето миновало, и зелень пожухла, потемнела, лишь новенькие мраморные скульптуры сверкали с наглостью только что изготовленных копий. Прежние изваяния, порыжевшие от дождя и ветра, перенесли в один из дворцов. Новичку в поместье легко заблудиться. Павильоны, бани, водоемы, расположенные на террасах гимназии, служебные постройки, связанные друг с другом подземными переходами, домики для гостей, повсюду арки, апсиды, купола, ни одной прямой линии. Красиво. Но красота эта вычурная, чужая.

– Ты будешь жить в комнатах для гостей, – сказал Элий. – Там сейчас никого нет. Жилье и стол бесплатные.

– Но там маленькие комнатушки и общие латрины. Я этого терпеть не могу.

– Там милые комнаты. Их только три года как отделали. Вполне прилично для бесплатного жилья.

II

Элий говорил правду. Комнаты для гостей оказались уютные. Черно-белая мозаика на полу, на стенах яркие фрески. В комнатке было три ложа, но всеми тремя пользовались редко, лишь когда император надолго приезжал в Тибур. Слуга – толстый увалень с детскими пухлыми щеками – принес чистое белье.

– Коли доминус желает искупаться, малые бани к его услугам.

– Как тебя звать, приятель?

– Пэт.

– Ты давно здесь служишь, приятель Пэт? – Квинт раскидал простыни по кровати, давая понять, что не требует от слуги идеального порядка.

– Уже пять лет, доминус.

– Новый хозяин не обижает?

Но Пэт не попался на простенькую уловку. Он проверил выключатель лампы, задернул занавески и взял со столика пустую вазу, чтобы вернуть ее с цветами.

– У меня все тот же хозяин, доминус – император Руфин. Элий Цезарь здесь в гостях.

Квинт сделал вид, что и не собирался устраивать служителю проверку.

– Но Элий может здесь всем распоряжаться.

– Да, император был так щедр, что предоставил ему возможность распоряжаться *почти* всем.

Он так ненавязчиво выделил это «почти», что Квинт невольно оценил способности Пэта.

– Ну что ж, Пэт, надеюсь, мы станем друзьями. Потому что отныне я буду служить Цезарю.

– Теперь многие, прослышав про золотое яблоко, хотят ему служить.

– Говорят, это дар богов.

– Или яблоко раздора.

«На кого работает Пэт? – раздумывал Квинт, провожая служителя взглядом. – На Руфина? На Скавра? На Целий?»

III

Нет ничего приятнее купания в хороших банях после долгого пути. Особенно, если это бани самого императора. В лаконике пара поддадут столько, что можно задохнуться, и тело прогреется до самой последней, самой утомленной косточки. Лучшее галльское мыло, душистое, с запахом фиалок, привезенное из Лютеции (ну до чего искусны галлы в подобных штучках) смывает многодневную корку из грязи и пота. Весь мир отныне благоухает фиалками. А после можно окунуться в прохладном бассейне с изумрудно-зеленой водой.

Элий уже закончил купание и растянулся на ложе, а смуглый здоровяк-массажист разминал его спину и плечи. Торс Цезаря был торсом атлета, недаром поговаривали, будто Элий позировал Марции для ее Аполлона. Тем безобразнее выглядели изуродованные шрамами ноги. Массаж закончился, Элий накинул на плечи льняную простынь. Однако недостаточно поспешно: Квинт успел заметить множество красных полос на спине и боку нового патрона. Такие шрамы оставляли на телах своих жертв члены «Коллегии нравственности». Меньше всего Квинт ожидал увидеть подобные знаки на коже будущего императора.

– Вилда, прознав про эти шрамы, могла бы состряпать колоссальную статью, – хмыкнул Квинт, растираясь махровым полотенцем. – Не волнуйся, хранить тяжело только первую сотню секретов. Потом привыкаешь. Кстати, следы эти через год будут не заметны. Чудесная банька! Ради того, чтобы купаться здесь каждый день, я согласен сделаться императором и принять всю тяжесть власти над Империей. А ты готов?

– Я готов выслушать твой рассказ о грядущей свадьбе императора Руфина, – отвечал Элий.

– О нет, только после обеда. Обожаю изысканные блюда, – мечтательно вздохнул Квинт.

– Обед будет скромн, – пообещал Элий.

Квинт ему не поверил, и зря.

Триклиний небольшого павильона, уютный и скромный, как нельзя лучше подходил к трапезе Цезаря. Обед начался по римскому обычаю с яиц, а закончился фруктами. Запеченная курица, овощи и фаршированные финики – такие блюда могли подаваться в доме начинающего скульптора или адвоката. Квинт ожидал от стола Цезаря большего.

– Как видно, в этом доме экономят на всем, – заметил фрументарий, делая вид, что осушает серебряный кубок до дна. На самом деле он лишь пригубил вино, и краем глаза наблюдал за хозяином.

– Ты голоден? – поинтересовался Элий.

– Нет, я наелся. Но...

– Тогда поговорим.

Подали фрукты, печенье и кофе. То, что подают кофе, Квинт тут же отметил. Он делил римлян на две категории: на тех, кто пьет кофе, и на тех, кто презирает этот напиток. Элий пил кофе. И это кое-что говорило о нем.

– Сначала уточним: я принят на службу?

– Да, ты принят, – Элий нетерпеливо завертел в руках пустую чашку, – с сегодняшнего числа. Раз сегодня ты здесь и говоришь со мной.

– Хорошо, поговорим об императоре. – Квинт разрезал янтарную грушу и теперь по кусочкам отправлял ее в рот. – Итак, Руфин скоро женится. Через три дня, а может и скорее, он разведется. Уже все обговорено. Не пройдет месяца, как Рим будет гулять на свадьбе императора. Значит, через какие-нибудь десять месяцев ты можешь потерять титул Цезаря и перспективу прибрать Империю к рукам.

– Лично я даже рад такой перспективе. Но что может быть фатальной для Рима этой нелепой перемены Цезарей и прихода к власти малолетнего правителя? Одна из самых опасных ситуаций, особенно, если родня будущей Августы честолюбива. Перед властолюбием женщины не может устоять ни одна система.

Квинт усмехнулся:

– Оказывается, ты гораздо лучше разбираешься в политике, чем кажется на первый взгляд. Итак, ты хочешь знать, на ком Руфин женится... – Квинт сделал эффектную паузу, ожидая реплики Элия, но тот промолчал. Пришлось продолжить. – Сначала рассматривалась кандидатура Летиции Кар. Насколько я знаю, ты знаком с этой юной девицей?

Цезарь опустил голову, чтобы Квинт не мог видеть выражение его лица.

– Она не выйдет за Руфина, – проговорил Элий тихо.

– Ты говоришь как мечтатель, а не как политик. Стоит Августу захотеть, и любая девушка скажет «да». Но тебя как будто волнует уже не политика, а нечто другое?

Элий подозревал, что Квинт осведомлен о подробностях его знакомства с Летицией. Оставалось надеяться, что Квинт хотя бы не знает того, что произошло в Никее. Впрочем, скрыть что-либо от этого человека невозможно. Квинт замечал все: как меняется цвет лица, дыхание становится чаще, а голос – чуть глуше. Даже несколько капель вина, пролитые на тунику, скажут ему «да» или «нет» вместо собеседника. Элия и самого удивило, как сильно забилося сердце, едва Квинт упомянул имя Летти. С Летицией они не виделись с того дня, как машина «скорой» увезла Элия с разрушенной виллы Марка Габиния в Рим. Позже они обменялись письмами, но в их переписке не было ничего, кроме вежливых фраз и пожеланий выздоровления.

Квинт молчал, как будто специально предоставлял Цезарю возможность вспомнить все обстоятельства и заново пережить свое краткое и безумное увлечение.

«Знает», – подумал Элий, и от этой мысли ему почему-то сделалось легче. Будто он нечаянно отыскал союзника.

– Летиция не подходит Руфину, – сказал Элий наконец. – Она слишком своенравна. Она...

– Нет. Ответ неверный. Человеческие эмоции здесь ни при чем. Рассуждай как политик, Цезарь.

– Как политик или как соглядатай? – огрызнулся Элий. В этот раз спокойствие ему изменило.

– В данный момент – это одно и то же. Здесь чистый расчет. Так рассчитывай верно.

– Я попробую. Если Руфин расстался с женщиной, с которой вполне счастливо прожил столько лет и которая только что потеряла единственного сына, значит, Руфином движет одно желание – получить нового наследника. И он не будет рисковать. А в роду Летиции женщины не слишком плодовиты. Фабия родила одну-единственную дочь Сервилию. Та в свою очередь

– тоже. К тому же девушка недавно получила тяжелейшую травму. Никто не знает, как это может отразиться на ее будущих детях.

Квинт одобрительно кивнул:

– Неплохо. А я уж думал, что ты можешь болтать только о высших материях, не замечая, что творится в собственном атрии. Итак, продолжаю. Кандидатура Летиции была сразу отвергнута, и выбор пал на Криспину Пизон.

В этот раз Квинту удалось удивить Цезаря. Элий даже не пытался этого скрыть:

– Руфин решил породниться с Пизонами? Но банкира Пизона подозревали в покушении на беднягу Александра!

– Это не доказано. Зато мамаша Криспины была плодовита. А ее дядюшка банкир несметно богат. Политик никогда не принимает прошлое в расчет. Он живет настоящим.

– Все это мерзко!

Квинт должен был отметить, что его новый хозяин недостаточно осторожен: на месте Элия он бы не стал в присутствии незнакомого человека порицать Августа.

– Руфин чувствовал себя слишком непопулярным после гибели наследника и этой его аферы с атомной бомбой Триона.

– Не вижу, как женитьба на Криспине добавит ему популярности.

– Ты идеалист, Цезарь.

– Я – стоик.

– И ты всегда следуешь догмам своей философии?

– Пытаюсь.

– Я тоже попробую. Не уверен, что мне удастся. Кстати, что ты думаешь о Бените Пизоне, этом новоявленном сыночке банкира?

– Ничего. Я ничего о нем не думаю.

– А я бы подумал. – Квинт протянул руку за грушей, и тут заметил, что она – последняя. А на столе после трапезы должно непременно что-то остаться – ларам и слугам. И Квинт отдернул руку.

IV

Каждый день после обеда Элий гулял в тени колоннады вдоль Канопского канала. В воде на фоне густой зелени сгустками белилплыли отражения копий кариатид Эрехтейона. И меж ними, дробясь, проглядывала небесная отраженная лазурь, чуть более темная и тусклая, чем подлинная. Делая первый шаг, Элий всякий раз засекал время по хронометру. Четырежды он обходил канал со скоростью легионера на марше. После третьего круга правую ногу начинало сводить от боли. Но он продолжал идти, не давая изувеченной ноге поблажки. И лишь выполнив каждодневный урок, переходил на легкий прогулочный шаг.

Хорошо бы было прогуляться по саду вместе с Юнием Вером и поговорить о заговоре гениев. О предсказаниях Сивиллиных книг. И еще о Летиции. Вообще обо всем на свете. Но бывший гладиатор исчез. В гостинице «Император» за ним по-прежнему числился номер, но Вер не появлялся там уже целый месяц. Курций знал, где скрывается Вер, но отказывался сообщить. По словам вигила, Вер просил *не беспокоить*. У Элия не было основания не верить Курцию. Но слова вигила не умаляли тревогу.

По дорожке, важно волоча пышные хвосты, прошествовали два павлина, будто придворные, что торопятся на пир к императору. А императора-то и нет в Тибуре. Как вы просчитались, глупые птицы! Есть только Цезарь, который через год уже не будет Цезарем. Как вам нравятся подобные загадки? Они посложнее загадок Сивиллы! Элий швырнул птицам горсть зерна. Но важные персоны лишь презрительно покосились на его дар и прошествовали дальше, всем своим видом давая понять, что дешево их не купить. Зато со всех сторон налетели голуби

и кинулись на зерна. Белые, сизые, пестрые, они мгновенно образовали на земле шевелящийся ковер. А с вышины пикировали все новые и новые птицы, прямо на спины первым. Откуда ни возьмись, вылетел мохнатым клубком щенок, потомок Цербера, и кинулся на эту трепещущую жрущую стаю. Натужно хлопая крыльями, раскормленные птицы поднимались в воздух.

«Римляне похожи на голубей. Такие же неповоротливые, сытые, уверенные в правильности своей жизни. Они могут жить только под чьим-нибудь присмотром за толстыми стенами. А если присмотра нет, они становятся заманчивой и легкой добычей».

Он оборвал собственную мысль. В слова не облек. Не посмел. Его все время мучат нехорошие предчувствия. Если бы Летти была рядом, она бы сказала, насколько верны его опасения, и действительно ли пророческие видения посещают его.

Летти... Он вновь подумал о ней с тоской. Она нужна ему. Не любима, но нужна. Он и в ее любовь не особенно верил. Будучи гладиатором, он частенько встречал девчонок, что ездили за своими кумирами – и в Антиохию, и в Аквилею, прорывались в куникул, подкарауливали у выхода, почитали за счастье провести с гладиатором ночь и родить от него ребенка. Считалось, что дар исполнителя желаний передается по наследству. Сам Элий никогда не заводил интрижек с этими дурочками, он дарил им поцелуи и автографы. Особенно настойчивым обещал ночь любви, но лишь через пять лет. Теперь, оставив арену и растеряв поклонниц, он неожиданно спутался с несовершеннолетней девчонкой. Будто хотел наверстать упущенное. Почему Летти не приезжает в Тибур? Скорее всего, мать не отпускает. Сервилия Кар не хочет их встречи. Не верит, что он женится на Летиции? Или не верит, что Элий станет императором? В последнее мало кто верит. Все считают, что у Элия не хватит сил взвалить на себя такой груз. Но почему? Элий сможет. Он не будет жесток, не будет врать, нарушать законы, стремиться к собственной выгоде. При отлаженной системе власти этого вполне достаточно, чтобы быть приличным императором. Или нужно нечто большее? Или, напротив, этого слишком много?

А его самого так уж это волнует? Нет. Он думает о Вере, Летиции, власти, лишь бы не думать о Марции. Стоп! Здесь надо повернуть... назад, назад... быстрее, еще быстрее, не обращая внимания не боль. Не думать о Марции...

– Цезарь!

Элий обернулся. Квинт спешил к нему, сжимая в руке трубочку мятых грязных листков.

– В чем дело, Квинт? Уже несешь приглашение на свадьбу? – усмехнулся Элий.

– Нет, Цезарь. Это не совсем то. Так... записи одного чудака. Думаю, тебе надо их посмотреть.

– Забавно. Получается, я буду теперь смотреть на мир твоими глазами, Квинт.

– У меня отличное зрение, могу тебя заверить, Цезарь.

– Совсем не обязательно каждый раз произносить мой титул. Тем более, наедине.

– Я могу называть тебя просто... Элий?

Цезарь кивнул.

Они уселись на мраморную скамью в апсиде. За их спиной гранитный Антиной-Серапис, навеки поселившийся в неудобной нише, смотрел нарисованными глазами прямо перед собой. Девушка в двуцветной тунике поставила на мраморный стол серебряный поднос с двумя кубками. Элий потянулся за чашей, но рука его замерла на полпути. Девушка неожиданно напомнила ему Марцию. Так же грациозна, с округлыми бедрами и высокой грудью. Марция... Чем он занят? Какой-то ерундой – интригами двора, гениями, фрументариями. К чему? Надо отправить Квинта в Новую Атлантиду, пусть найдет Марцию и вернет ее назад. Или он сам, Элий, позабыв обо всем, кинется на поиски. Упросит, уломает, умолит. Она вернется. Она любила его!

Элий оперся лбом на сжатые кулаки. Что он такое придумал? Какое-то безумие! Марция для него потеряна навсегда. Ничего уже нельзя изменить. Он сам сделал выбор. Он выбрал Рим.

– Что с тобой, Цезарь? – обеспокоился Квинт.

– Ах да... – Элий спешно развернул бумаги и принялся листать.

Квинту показалось, что на щеках Цезаря проступили красные пятна. Но, возможно, это только показалось... Фрументарий взял серебряный кубок. Пригубил. Превосходное вино. Хорошо служить повелителям Рима.

Наконец Элий поднял голову и отложил листки.

– Что это?

– Донесение одного репортера. Он побывал в Персии.

– И он сам присутствовал при взятии Экбатан? Там же никто не уцелел.

– Он был на другой стороне.

– С монголами?

– Именно. Так что видел все от начала до конца. Сначала город сдался, а потом жители вообразили, что могут изрубить варваров в пульпу, и восстали. Но вышло так, что монголы вернулись и в пульпу изрубили жителей Экбатан. От города не осталось и следа.

– Что дальше? Как вооружены варвары? Сколько их?

– Это передовой отряд тысяч в сорок. Косматые низкорослые лошадки, до ужаса выносливые, лишь благодаря им варвары совершают стремительные переходы. Наши кони сдохли бы на второй день. У каждого бойца лук со стрелами, кривая сабля, круглый щит. У некоторых есть ружья, которые куда старше своих владельцев. Но оружие – не самое важное. Все дело в их тактике. У них великолепная разведка. А их молниеносные броски! Конница мчится со скоростью наших моторизованных частей. Они появляются как из-под земли и тут же исчезают. Но помните: все до одного лжецы. Их обещаниям нельзя верить, о милосердии они слыхом не слыхивали. Милосердие – это лишняя вещь в их мире. Тот, кто представляет для них хоть какую-то опасность, должен умереть. И умирает. Ужас, который они внушают, разрушает любые стены лучше гаубиц. Стоит в каком-нибудь персидском городе пустить слух, что идут монголы, как народ кидается врассыпную. Разве «Целий»³ ничего этого не докладывал тебе? – Слово «Целий» Квинт произнес с едва заметным оттенком брезгливости – так произносят его почти все римляне, мгновенно вспоминая неприступное здание на Целийском холме, оплетенное массивными арками, приземистое и тяжеловесное. Но странно, что Квинт, произнося «Целий», тоже кривил губы.

– «Целий» не считает монголов опасными.

– Они нападут.

– Когда?

– Когда они станут сильными, а мы ослабеем. И перетрусим. И поглупеем. Что произойдет довольно быстро. Ведь мы лишились гениев.

– Что ты хочешь за этот доклад? Ведь заплатил за него и немало?

Квинт ответил, но не сразу:

– Еще утром я собирался просить за эти бумаги пятьдесят тысяч, но теперь нет... Теперь я отдам их даром.

«Пройдоха? Или профессионал высокого класса?» – Элий не знал, что и думать.

– Откуда такое бескорыстие?

– Ты мне платишь, и этого достаточно. Все говорят, что Элий Цезарь – честен. Я служу тебе и тоже должен быть честен. Эти бумаги достались мне бесплатно.

В глазах Элия сверкнули странные огоньки.

– Честный проходимец! Интересно, как долго ты сумеешь играть эту роль?

– Это не игра.

³ На Целии во времена Древнего Рима находился штаб фрументариев.

– Хорошо, ты будешь питаться сознанием своей честности. Судя по твоему замутненному взгляду, оно пьянит куда сильнее фалерна.

– Моя награда – твое одобрение, Цезарь. Прежде я думал, что главное – разноухать побольше, ввязаться в крупную игру, запутать интригу, обдурить противника. Теперь я знаю, что главное – получить одобрение такого человека, как ты.

– Не надо мне льстить.

– Я не льщу.

– Тогда не переиграй. Себя и меня.

Цезарь вновь свернул бумаги Квинта трубочкой.

– К счастью, эти варвары пока далеко от римских границ. Очень далеко. Где ты прежде служил, Квинт?

– У Корнелия Икела. В его отряде «личных фрументариев».

– Ну, раз ты все на свете знаешь... То скажи, что тебе известно про этого Бенита.

– Пока ничего особенного. Вот только... Он зачастил в дом Сервилии Кар.

– К матери Летиции? И... его принимают?

– Охотно.

V

Особняк банкира Пизона был одним из самых роскошных в Риме. Порой зеваки специально сворачивали по дороге на форум в Карины, чтобы поглядеть на дворец банкира. Усыновленный Пизоном Бенит любил позировать репортером на фоне украшенного портиком фасада. А вот дед Бенита старикашка Крул был к архитектурным красотам равнодушен. Зато не равнодушен к изысканным блюдам и питью. С тех пор, как Крул вместе с внуком своим Бенитом попал в дом банкира Пизона, старик постоянно жевал. Трудно утерпеть, когда в холодильнике в любое время дня и ночи можно отыскать десяток сортов колбас, телятину, сыры, пирожные, кремы, бисквиты. Старик распухал буквально на глазах. Лицо его лоснилось.

Обед давно кончился, но старик принес в триклиний окорок и оливки. Не забыл прихватить и бутылку вина.

– Ага, вот ты где! – Бенит уселся напротив деда. У Пизона пропадал аппетит при виде Крула. А Бенит, наоборот, забавлялся. – Я тебя всюду искал. – Разумеется, Бенит врал, говоря это «всюду». Какие, к Орку поиски! Дед мог быть только в триклинии или на кухне. Чего тут искать!

– Отвратительный повар у Пизона, мясо всегда застрекает в зубах, – вздохнул Крул, поковырял ногтем в дупле, извлек кусочек мяса и принялся обсасывать, громко цыкая зубом. – Я тут подумал кое о чем, – продолжал старик без всякого перехода. – И вот что придумал. В армии ты отслужил, значит, можешь занимать государственную должность. Пора бы тебе, друг мой, подаваться в сенат.

– Я и сам планировал. Только выборы через три года, а пока...

– Да, выборы через три года, но есть одно свободное местечко. Шестая триба.

– Округ Элия, – Бенит фыркнул. – Уж там-то меня не ждут.

– Вот именно, не ждут! – Старик поднял заскорузлый палец. – Потому-то ты и выиграешь.

Надо только обтяпать дельце с умом. Тут я кое-что записал...

Старик вытащил из-под туники мятый листочек, расправил его.

– Глянь.

– Бесплезно. Ты забыл про возрастной ценз – мне нет еще двадцати семи.

– Старик Крул никогда ни о чем не забывает. Выборы досрочные, лишь в одной трибе. Возрастной ценз в данном случае не действует. В таких случаях набирается огромное количе-

ство кандидатов и молодежи дается шанс. Разумеется, эфемерный. Все полагают, что новичку опытного политика не одолеть. А ты возьми и попробуй. – Крул подмигнул внуку.

– Хочешь возглавить мою избирательную команду?

– Нет, я буду в тени. И генерировать идеи. А ты подавай заявку. Завтра же.

– Все не так просто, дедуля, – хмыкнул Бенит. – Нужны три рекомендации от уважаемых людей трибы.

Крул с хитрой физиономией пододвинул к себе лежащую на столе папку с жирным пятном на обложке. Открыл. И Бенит увидел белые глянцевые листы. Рекомендации по всей форме с подписями и печатями. Ну и пройдоха этот Крул!

– Имя Пизона имеет магическую власть. Особенно теперь, когда его племянница вскоре станет Августой.

При упоминании имени Криспины Бенит нахмурился. Отец подсунил Руфину эту корову, и разом императорский пурпур сделался недостижимой, чем прежде. А все потому, что папаша в глубине души не верит в Бенита, и стремится не упустить свой шанс. Ну что ж, пусть попробует в одном лесу убить двух вепрей. Другое дело Крул. Старик верит в Бенита безоговорочно.

– Вы с эти дурнем Пизоном слишком поторопились, – продолжал рассуждать Крул, вновь ковыряя в зубах и цыкая на все лады. – Принялись расчищать дорогу, не укрепив собственные позиции. Сейчас тебе нужны две вещи – тога с пурпурной полосой и собственный вестник.

– Дедуля, ты не оценим! – воскликнул Бенит, потирая руки. – Вот только если бы ты жрал чуть более эстетично!

Крул демонстративно вытер пальцы о тунику.

– Ты дурак, Бенит. Те, кто умеет жрать красиво, продадут тебя за пару сестерциев. А ты потряси отца и заведи себе вестник. «Первооткрыватель» – хорошее название.

VI

Туман наплывал с гор. Плотный, белый, как створоженное молоко. Его несло волнами, и черные макушки пиний в предрассветный час казались причудливыми окаменевшими растениями на морском дне. Вскоре всю автомагистраль накрыло плотной пеленой. Несколько авто остановились у обочины. Другие продолжали медленно ехать. Свет фар напрасно силился пробиться сквозь белый студень. Где-то впереди непрерывно гудел сигнал. Машины с надписью «Неспящие» сгрудились у въезда на мост. Вигил в блестящем от влаги плаще пытался навести среди беспомощных авто порядок. И вдруг туман пополз в стороны, будто занавес из тонкого виссона разорвали надвое. Открылся мост через реку Таг. Шестипролетный мост, построенный еще в 858 году, он ни разу не перестраивался и никогда не ремонтировался. Да и к чему ремонтировать эти могучие арки, сложенные из циклопических гранитных плит? И вот этот мост, краса и гордость римской архитектуры, стал медленно оседать, сначала весь разом, будто скалы под ним сделались зыбкой трясинной, а потом треснул в нескольких местах и ухнул в реку. Застывшие в немом ужасе люди наблюдали как, кувыркаясь вместе с гранитными плитами, летели вниз крошечные авто. Их фары – распахнутые от ужаса глаза – все еще светились желтым среди белых волн уползающего тумана.

Никто не обратил на человека в лохмотьях, сидящего на склоне. Обычный бродяга, каких много появилось в последние дни на дорогах. Он смотрел, как рушатся камни, и его бескровные губы шевелились. Если бы кто-нибудь остановился рядом с ним, то услышал бы, как бродяга шепчет:

– Мой мост... мой драгоценный мост... Я берег его столько лет... столько лет я держал эти арки...

Глава II

Игры Юния Вера

«На вопрос, кого бы хотели избиратели шестой трибы видеть в сенате, больше половины опрошенных отвечают «Гая Элия Мессия Деция». Хотя известно, что, сделавшись Цезарем, Элий был вынужден оставить место в сенате. Выборы в шестой трибе назначены на Иды декабря».

«По мнению префекта претория Марка Скавра, не стоит придавать значения передвижениям войск Чингисхана. Разведывательный отряд, числом не более 20 тысяч, после разграбления Экбатан ушел назад в земли Хорезма».

«Пророчество Сивиллиных книг таково: «Жертвоприношение каждого – не первины, но половина. Новую крепостную стену Великого Рима должно возвести в Нисибисе».

«Акта диурна», 9-й день до Календ октября⁴.

I

Инсулы на окраине Рима, построенные после Третьей Северной войны, походили одна на другую – все из красного кирпича, с маленькими окнами, с наружными лесенками. Крошечные низкопотолочные квартирki, темные коридоры, сидячие ванны; от инсул несло бедностью за несколько миль. Казалось нелепым, что богатейшая Империя строила такие дома. Однако строила. Подальше от форума, подальше от глаз. Своих, чужих... Пинии и кипарисы, посаженные вдоль улиц, со временем разрослись, и зелень скрыла созданное людьми уродство.

Рядом с многоэтажками сохранилась старая вилла, принадлежавшая до войны обедневшему всаднику. Теперь эту виллу, вернее, то, что от нее осталось, сдавали внаем. Плющ полностью покрыл дом, даже черепицу умудрились оплести буйные ветви. Сквозь узкие просветы в зеленом ковре немые окна смотрели на Вечный город с усталым любопытством.

Префект римских вигиллов Курций постучал и прислушался, ожидая, когда внутри раздадутся медлительные шаркающие шаги. Но дверь отворил не старик. Человек был молод, высок и широкоплеч. И тяжело болен. Зеленовато-серая кожа обтягивала острые скулы. Левая половина лица исхудала куда сильнее правой. Глаза смотрели на гостя и как будто ничего не видели. Вставные глаза бронзовых статуй смотрят так же – как настоящие, и все же неживые.

– Соседи не донимают? – Курций оглядел пустой атрий, в углу которого догнивал ларарий с оторванными дверцами.

Пахло пылью, плесенью, запустением. Дом был болен, как и его хозяин.

– Еду иногда приносят. Хотя я ничего не прошу. Ставят здесь на крыльцо.

– Тебе надо в больницу, Юний, – сказал Курций. – Или будет слишком поздно.

– Не мешай. – Только и услышал вигил в ответ.

Вер двинулся вглубь дома, сделал несколько шагов и остановился, собираясь с силами, и вновь совершил бросок, преодолевая слабость. Наконец добрался до спальни и, обессиленный, повалился на ложе.

– Юний Вер, тебе надо в больницу, – повторил вигил, усаживаясь на старый сундук подле кровати.

⁴ 23 сентября.

– Это не болезнь.

Вер тяжело дышал, на висках блестели бисеринки пота. Если это не болезнь, то что же?

– Может, Элию сообщить? – предложил Курций.

– Нет! – выдохнул Вер и протестующе вскинул руку. – Элию ни слова.

– Как знаешь. – Курций не мог понять, почему больной прячется в доме, как затравленный зверь, избегая помощи.

– Расскажи, с чем пришел, – попросил Вер. – Узнал?

– И да, и нет. Помнишь папку, что я нашел в доме Элия? Там была ничего не значащая на первый взгляд записка. Несколько цифр. Но число-то, смотрю, знакомое, как дата собственного рождения. Эге, говорю себе, да это же секретный код когорты «Нереида»... А на обороте написано «Макций Проб»... Ты слушаешь меня? – прервал сам себя Курций, заметив, что Юний Вер прикрыл глаза.

– Да... стараюсь... – Вер облизнул воспаленные губы. – Код «Нереиды»...

– Я с этой писулькой подался в контору адвоката Проба. Протягиваю письмо, и через час – долго искали – выносят металлический тезариус.

– Ты украл документы Элия, – констатировал Вер. – Не думаю, что мой друг придет от этого в восторг.

Но старого вигила не так-то было просто смутить.

– В ящике было всего две бумаги. Первая – перечень документов, которые были уничтожены после гибели «Нереиды». Их сожгли по личному приказу императора. А вторая бумага – письмо трибуна «Нереиды» Корнелия Икела Адриану, отцу Элия. Письмо вежливое. Всякие прости, извини... «чье имя я всегда произношу с уважением»... и прочие обороты, в которых я не силен. «Но открыть тебе, сиятельный, подробности гибели когорты не могу. В интересах родственников легионеров». Именно так и сказано – «в интересах родственников».

– И все? – Юний Вер сел на кровати. Курцию показалось, что под туникой больной что-то прячет – то ли большое яблоко, то ли мячик.

– И все. Странная история. Если эти две бумажки хранились не хуже государственной тайны в тезариусе Макция Проба, то что же было в самих документах? Кто уничтожил когорту сопляков, которые никогда не воевали?

– Ты говоришь – они не воевали. Но ты же был среди них... тебя ранили, ты попал в больницу...

– Я был болен, а не ранен. Маялся поносом.

– Думаешь, их убили?

– Не знаю. Хорошие были ребята. Ну, может, рассуждали лишку о высших материях и Космическом разуме, да о таких вещах, в которых я мало понимаю. Жаль, что все они погибли.

– Все, кроме Корнелия Икела, – напомнил Юний Вер. – Где это произошло?

– В какой-то крепости в Нижней Германии. Там есть колодец, который называют колодцем Нереиды. Удивительное совпадение. Когорта «Нереида», колодец Нереиды... А крепость-то далеко от моря.

– Нереида... – прошептал Вер.

Так почему же *их* убили? Молодых аристократов, дерзких и бесшабашных, готовых на подвиги ради Вечного Рима. Вер был среди них в *ту* ночь несмышленным мальчишкой. Когда Вер напрягал память, мерещилось ему какое-то помещение, то ли погреб, то ли подвал. Свет факелов. И множество людей. Он ощущал их тепло, их боль. Но лиц не помнил.

Или боялся вспомнить лица, глаза и улыбки? Стер из памяти, чтобы не задохнуться от жалости. Доброта – это жалость, – придумал он для себя простую формулу. А жалость по отношению к самому себе – тоже доброта?

– Мама, мамочка, – что же произошло? – шептал Вер. – Почему ты умерла? Почему?

II

Рим засыпал и просыпался под немолчные кошачьи песни. Песни были заунывны и печальны. Душераздирающее «мяу» не давало двуногим обитателям города спать.

Но не коты тревожили сон Юния Вера. Несколько ночей он не смыкал глаз. Лежал и смотрел в потолок. Когда к нему заходил Квинт? Два дня назад? Три? Или только вчера? Или сегодня утром? Вер не помнил – он потерял счет времени. Он многому потерял счет. Не мог даже вспомнить, куда выходит окно спальни. Сквозь деревянную решетку падали косые солнечные лучи. Утро?... Наконец?...

Бок жгло все сильнее. Мнилось – внутри копошится живая тварь, вгрызаясь все глубже. Вер ощупал бок. В который раз! Желвак под кожей еще больше набух и затвердел. Именно к этому месту Юний Вер прижимал свинцовый ларец с кусками черной руды. Теперь-то он знал, что в ларце хранился оксид урана. А может, он знал это уже тогда? Но к чему все знания, если теперь он мог думать только о проклятой опухоли! Подобно капризной красотке, она требовала постоянного внимания. Стоило прилепиться мыслью к чему-то другому, опухоль тут же напоминала о себе. Он обращался к опухоли, как к живому существу. Проклятия... Мольбы... Не помогало!

Час назад... (или два? или три?) он выгреб из морозильника весь лед и обложил опухоль ледышками. Теперь лед таял, капли стекали на несвежие простыни. Есть не хотелось – только пить. И жевать лед. И еще – было нестерпимое желание резануть ножом по горящему огнем боку. Вер то дрожал в ознобе, то обливался потом, он почти умирал, но знал, что это не смерть. Это что-то другое, похожее на смерть. Гораздо страшнее.

Он закрыл глаза, будто собирался уснуть. Несбыточная мечта! Он не в силах уснуть точно так же, как и умереть.

Хорошо бы сейчас отправиться в термы, попотеть в лаконике, потом поплавать в прохладном бассейне и... Но в общественных банях бальнеатор тут же поинтересуется его распухшим багровым боком. Приходилось довольствоваться маленькой ванной, где он сидел, скрючившись, и не мог даже вытянуть ноги. А в воду с потолка хлопьями осыпалась побелка. Эта убогая ванна бесила его больше всего. Может, позвонить Элию и попросить о помощи? Нет, нельзя! Вер и сам не знает, почему. Знает одно: о происходящем никому нельзя рассказывать. Это испытание на одного. Потому что никто, кроме Вера, не выдержит. Даже Элий.

Но и Вер не выдержал.

Шатаясь, как пьяный, добрался до ванной, ополоснул лицо под краном, надел чистое и вызвал таксомотор. Водитель не стал спрашивать, куда везти – вмиг домчал до Эсквилинской больницы к вестибулу ракового корпуса.

В просторном атриум, отделанным зеленоватым мрамором, дожидалось несколько человек. На крайней скамье сидела девушка лет двадцати, устало прислонившись головой к барельефу. От ресниц на белую щеку падала сиреневая тень. Тонко очерченный девичий профиль померещился Веру медальоном на дорогом саркофаге. Вер смотрел на девушку и не мог отвести глаз. А опухоль в боку бешено пульсировала, будто просила: «Уйдем отсюда немедленно, уйдем, уйдем, уйдем...» Но Вер не подчинился. Раб язвы взбунтовался. Вер опустился на скамью рядом с девушкой и принялся ждать. Он вглядывался в лица ожидающих, ему хотелось коснуться каждого и утешить. Он был уверен, что сможет утешить без слов. Вер дотронулся до плеча девушки. Она повернула голову, отрешенно посмотрела на гладиатора.

– Мы вместе и рядом... мы почти преодолели... – воспаленные губы Вера шептали невнятно, но девушка поняла и кивнула в ответ. – Мы только не знаем, каков должен быть следующий шаг. В этом причина... Мы срываемся в пропасть, а могли бы лететь. Но мы взлетим. Придет час...

Дверь в приемную медика отворилась, и девушка встала. Льющийся из-за двери голубоватый свет показался Веру светом подземного Аида. Когда девушка через полчаса вновь появилась на пороге, приговор был написан на ее лице. Вер шагнул навстречу. Девушку качнуло, будто порывом ветра, и гладиатор едва успел ее подхватить.

– Мы взлетим... Я верю... – прошептала она.

Накинула паллу на голову и заспешила к выходу. Ледяная аура синей петлей захлестнула ее плечи и голову. Вер проводил ее взглядом до самого выхода. Потом вошел в приемную медика. Что-то сказал – сам не понял что. Поспешно сдернул тунику. Медик с изумлением смотрел на распухший бок. Привыкший ко многому, такое он видел впервые. Пока медик намазывал жирной мазью кожу, пока водил щупом ультразвукового сканера, Вер кусал губы, преодолевая боль.

– Несомненно, опухоль, и, скорее всего, раковая. Сделаем биопсию, красавчик?

Вер покорно кивнул. Сами собой из глаз потекли слезы.

Ответа Вер дожидался в атрии. Люди проходили мимо. Он ощущал родство. Но не со всеми. Вот с этим и тем. А прочие чужие. Потому что здоровы. А избранные больны. Избранные кем? Куда?...

Медик вновь пригласил его в свою приемную.

– Рак, – прозвучал приговор. Вер ожидал этих слов. – Что ж так запустил болезнь, красавчик? Поражены почти все жизненно важные органы. Тебе осталось несколько дней. Я выпишу морфий. – Медик достал из стола бланк с золотым орлом. – Подпишешь согласие на эвтаназию? Процедура совершенно безболезненная и будет произведена в удобное для тебя время. – Гладиатор отрицательно покачал головой. – Последние дни могут быть очень мучительны. Ты сам можешь выбрать удобное место, устроить прощальный пир, пригласить друзей. На девять человек помещение и стандартное меню бесплатно. У нас есть свой пиршественный зал. Родственники попрощаются и уйдут. – Вновь отрицательный жест. – Ты – мужественный человек, преклоняюсь. Но опухоль буквально пожирает тебя. Морфий скоро перестанет действовать. Зачем длить пытку?

Вер улыбнулся распухшими губами:

– Я не умру.

– Это твой выбор... – Медик сунул листок обратно в стол. – Есть, кому за тобой ухаживать? Если нет, я дам направление в хоспис Гигеи⁵.

При этих словах опухоль вновь начала отчаянно пульсировать.

– Не надо... – чрез силу выдохнул Вер и попятился к двери.

Не стоило сюда приходить, он знал это с самого начала.

III

Какой-то добряк подвез бывшего гладиатора до самых дверей его дома. Но вряд ли этот римлянин узнал в человеке с серым лицом и запекшимися губами прежнего кумира Колизея.

– Дальше я сам! – объявил Юний Вер и оттолкнул протянутую для помощи руку.

Он дошел до двери и даже умудрился войти в атрий. Здесь и упал, потеряв сознание. Но тут же очнулся: пряный запах коснулся ноздрей и даровал силы. Больной поднялся. Шатаясь, добрал до спальни. На столике подле кровати стояла золотая чаша, инкрустированная крупным жемчугом. Вер никогда прежде этой чаши не видел.

«Яд?» – подумал он равнодушно, взял чашу и сделал глоток. Напиток был по медвяному сладок. И как мед – прозрачен, золотист и тягуч. Да и напиток ли это?

⁵ Гигея – богиня, дочь Эскулапа.

Освещающая стынъ воды и обжигающий огонь, насыщающая сила земли и эфемерность воздуха – все вместилося в один-единственный глоток. Вер поставил чашу на столик. Обессиленная рука упала плетью. И бывший гладиатор провалился в глубокий сон, наполненный фантастическими образами. *Божественный сон.*

Сон кончился так же внезапно, как и начался. Больной распахнул глаза. Какой-то парень, запрокинув голову, жадно сжегивал себе в рот последнюю каплю удивительного напитка.

– Амброзия... пища богов, – бормотал незванный гость, и Вер узнал в нем Гюна, своего прежнего гения.

– А мне, мне, мне... – шептал обвившийся вокруг столика змей и, подняв плоскую голову, тянулся изо всех сил к золотой чаше. – Ты обещал поделиться...

– Тут и одному-то мало, – отвечал Гюн сиплым каркающим голосом.

– Оставь каплю... Одну каплю... Оставь... – шипел змей.

– Попроси у хозяина, может он даст... он же хочет быть добрым. – Гюн склонился над кроватью. От него пахло погасшим, залитым водой костром, и Вер невольно поморщился.

– Сердишься на меня? – прокаркал гений. – А зря. Я ни в чем не виноват. Да и может ли гений быть виновен – сам посуды? Просто время пришло, и все спятили разом – могучая Империя и глупые людишки... И такие же глупые боги... – Гений надавил на распухший, горящий огнем бок гладиатора.

Вер заорал от нестерпимой боли. Мир померк. Когда Вер очнулся, судорожно глотая воздух, Гюн по-прежнему склонился над ним. В руке гений держал кусочек льда. Вер смотрел на лед и тяжело дышал, облизывая губы. Сейчас он бы отдал всю оставшуюся жизнь за этот сочащийся мутноватыми каплями осколок. Даже, если впереди была вечность.

– Что тебе надо? – прохрипел Вер.

– Амброзию. Я почувал ее запах и пришел. Без нее бессмертные гении вскоре начнут умирать от рака.

– Почему именно от рака? – спросил Вер.

– А ты не знаешь? Раковые клетки бессмертны. Глупые люди хотят жить вечно, но их клетки, став бессмертными, пожирают своих хозяев. Люди не знают одной малости: чтобы клетка жила бесконечно и не превратилась в раковую, нужна амброзия.

– Значит, человека от рака может излечить амброзия?

– Именно так.

– И меня?

– Нет. Потому что ты не человек. И ты не болен. Людям только кажется, что у тебя рак.

– А если попытаться создать амброзию в лаборатории? – Вер с сожалением глянул на золотой бокал, который дочиста вылизал гений. Вылизал и продолжал облизываться, как сытый кот.

Гений расхохотался:

– Бедный мальчик все время печется о людях! Так почему бы тебе не помочь своему бывшему гению? Мы должны быть вместе. В следующий раз, когда тебе принесут бокальчик амброзии, не забудь поделиться с бывшим опекуном. И я, может быть, расскажу о твоих детских шалостях. Помнишь, как ты приезжал проститься со своей приемной мамашей? Помнишь, что ты сделал в тот вечер, когда погибла «Нереида»?

– Что я сделал? – переспросил Вер. Лицо его беспомощно сморщилось... – Нет, не помню... Я был тогда ребенком. А что такое я сделал?

Его охватила смутная тревога. Она все росла, как росла боль в боку. И вот она уже захлестнула его с головой. Вер тогда сделал нечто ужасное. Настолько ужасное, что постарался начисто забыть об этом. Гюн смотрел на его мучения и улыбался, он-то знал, что натворил Юний Вер много лет назад. Знал и хранил все эти годы втайне.

О боги, что же такое сделал Вер?!

Гюн шагнул к двери. Вер приподнялся: то ли хотел удержать бывшего покровителя, то ли преследовать. Но не смог даже встать и лишь прислушивался к шагам, замирающим в атриум.

...Все бойцы «Нереиды» погибли в один день. Но почему?! О боги, почему?! Неужели из-за Вера? Неужели...

IV

В сентябре после августовских каникул в Александрийской академии вновь начинает кипеть жизнь. Новички-студенты снуют повсюду толпами, сотрудники, весной получившие места перед тем как отправиться в отпуска, торопятся проявить рвение, чтобы заслужить несколько лишних тысяч сестерциев для своей лаборатории.

Но был один новичок, которому было плевать и на суету, и на сестерции, и на милости Академии.

Академик Трион вообще не ходил никуда. Зачем? Теперь, когда ему запретили творить, и разрешили только вторить бездарным...

Творить легко. Ты запираешь наружную дверь и поднимаешься по тайной лестнице в башню сокровищ. Сундуки открыты, ларцы ожидают хозяина, надо лишь зачерпнуть из переполненного чрева, горстями просыпая бесценные жемчужины и не замечая, что просыпаешь. Пока наружная дверь закрыта, ларцы твои. Голоса снаружи не слышны. Слова снаружи не важны. Ты внутри, когда другие толпятся на улице под дождем обыденности. Творить легко. Не творить – тошно. Ты стоишь перед закрытой дверью и видишь, как ничтожества пиявками заползают в твою башню и роются в ларцах, не зная цены сокровищам. Вытаскивают на свет безвкусные подделки, воображая себя создателями. Эти другие преуспевают. Он, Трион, осужден прозябать.

Десять лет! О, боги, как легко сильные мира сего оперируют убийственными цифрами! Вычеркнуть из жизни десять лет! За эти годы он станет ничтожеством, падалью, пылью. И за это он должен благодарить Элия. Лучше бы Триона казнили. Но его спас Элий Цезарь. Даже мысленно Трион произносил титул Элия с презрением. Будь ты проклят, хромым чистоплюй! Ты сначала уничтожил лабораторию, а потом подарил жизнь ученым. Допустил к науке... Ах, спасибо, доминус! Тьфу, мерзость!

Но Элий – ничтожный карьерист, вообразивший себя спасителем Империи, а главный виновник всему – Руфин. Император знал о величайших открытиях Триона, знал даже, что цепная реакция осуществлена. И что же он сделал? Скромно промолчал и позволил отцам-сенаторам расправиться с Трионом. Приближаясь к цели, Трион становился смелым, отдаляясь, делался трусом. Сейчас цель была очень далеко. Что осталось у Триона? Подобие свободы и подобие работы.

– Ненавижу Дециев, – прошептал Трион. – Пусть они все сдохнут!

Трион перевернулся на кровати и уставился в окно. Сквозь виниловые жалюзи лился белесый свет. Давно рассвело. На улице жара. Академический городок в Александрии опустел. И научные работники, и слушатели академии давным-давно в лабораториях и учебных корпусах. Один Трион лежит в своей клетушке и бессмысленно смотрит в потолок. Что дальше? А дальше ничего. Пустота. Десять лет прозябания. Нет, он не выдержит. Он, умевший из всего делать открытия, из рекламного плаката или из простого сита. Наблюдая, как повар сцеживает отвар через сито, Трион придумал диффузный метод получения урана-235. Увидев огромную рекламу с увеличенными точками от растров, он понял, как получить сетки для этого самого диффузного метода.

Но в аморфном благополучии творчеству нет места. Трион всегда считал демократию фальшивой греческой придумкой, чуждой человеку. В детстве он зачитывался Тацитом – его околдовывала неограниченная власть. Чтобы творить так, как творил Трион, нужен тиран или

хотя бы явная угроза неотвратимой катастрофы, вполне заменяющая тиранию. Только тиран позволяет создавать что угодно, даже безумие. С каждым месяцем, с каждым годом Трион убеждался в этом все больше. Он надеялся, что тирания осуществима. У Рима была угроза в виде далекого варвара Чингисхана, а Руфин попытался сыграть роль тирана. Но не сумел. Не хватило ни сил, ни фантазии. Тирания – это амальгама на лучшем аквилейском зеркале, амальгама, которая позволяет зеркалу отражать мир. Без тирании талант превращается в простое стекло, сквозь него удобно смотреть на мир, но увидеть отражение собственного лица можно лишь случайно. А тирания позволяет смотреться в зеркало с утра до ночи и любоваться собственным величием... Зеркала... Догадка мелькнула, но Трион не позволил ей ни за что зацепиться. Он больше не творит. Он прозябает, подчиняясь воле сената.

Таких, как Элий, надо душить в детстве, чтобы они не смели навязывать людям свою невыносимую, пресную, серую добродетель. Придурак сделался Цезарем, и настанет день, когда его провозгласят императором. Неужели Трион доживет до этого дня?!

Трион в ярости грохнул кулаком в стену.

Тут же дверь отворилась, и в щель просунулась голова фрументария.

– Что-то случилось? Не идешь в лабораторию?

– Не иду! Я никуда не иду! – простонал Трион.

Голова скрылась. Трион поднялся и направился в ванную комнату, прихватив с собой бутылку фалернского вина. Наполнил ванну до краев и погрузился в воду. Полежал немного. Потом достал из-за шкафчика стило и тетрадь. Принялся писать. Почти без помарок. Половина тетрадки была исписана...

«Цезарь, – мысленно обратился физик к своему врагу, – неужели ты думаешь, что можешь лишить Триона возможности сделаться богом и превратишь его в жирный неподвижный ноль, плавающий в теплой ванне?»

Трион положил тетрадь на бортик ванной и задумался. Записи он скоро восстановит. Это уже третья тетрадка, которую он заполняет. А что дальше? Искать покровителей? Или надеяться, что Руфин, оправившись от страха, попытается помочь? Нет, на императора надеяться глупо. Бежать в Бирку? Вики примут его с распростертыми объятиями – наверняка они слышали про исследования Триона. Надо полагать, что боги виков не так щепетильны, как Олимпийцы, а сами вики не так законопослушны, как римляне. Подумаешь, приказ богов! Люди во все времена лишь делали вид, что уважают их мнение, и спокойно обдeldывали свои дела, грешили, подличали, травили друг друга. И боги им в этом не мешали. Трион может сделать открытие, оттолкнувшись от любой мелочи. А что если оттолкнуть от самих богов? Что тогда создаст Трион? Куда он затолкает богов? В Тартар? В латрины? В старый пыльный чулан? Ха-ха! Вот образ... образ пыли... На мгновение Трион задремал, но тут же очнулся: за стеной раздался придушенный крик, потом какая-то возня, шум падения чего-то тяжелого. И все стихло. Сердце, как сумасшедшее, заколотилось в горле.

С самого начала академик ожидал чего-то такого: он знал, что император лишь делает вид, что оказывает милость... А потом... Потом велит убить. Что делать? Бежать? Но как? В ванной комнате нет окон. Надо открыть дверь, а там...

Трион вылез из ванной, завернулся в простыню и на цыпочках подошел к двери. Приоткрыл...

Сделал шаг и едва не упал, споткнувшись о тело фрументария. Пол был скользким от крови. И тут физик почувствовал, как металл коснулся его затылка.

– Ни звука, – раздался за спиной шепот.

Глава III Игры Элия

«Сегодня Гаю Элию Мессию Децию Цезарю исполняется тридцать два года».

«Акта диурна», 8-й день до Календ октября⁶.

I

В день рождения римлянин приносит жертвы своему гению – цветы на домашний алтарь, несколько капель вина, несколько зерен благовоний. Рассорившись с гением, Элий уже три года не делал этого. Но сегодня утром он поджег палочку благовоний и положил на ларарий. И даже сказал:

– Тебе, Гэл...

Но просить ничего не стал – ни удачи, ни здоровья. Только сам себе подивился. Существо (он чуть не подумал о гении – человеку), которое готово было разрезать его живьем на куски, он приносил жертву. Зачем? Заискивал перед ним? Пытался умиловить? Боялся? Ни то, ни другое, ни третье. Так зачем же?

Он и сам не знал.

«С бесноватыми надо бесноваться». Для чего? Чтобы бесноватые не заметили, что ты не такой, как они? Это глупо. Так зачем? Понять, почему они беснуются? Да можно ли это сделать? Или понять то, что заставляет их бесноваться? Элий так задумался, что не заметил, что кто-то подошел и встал рядом. Элий скосил глаза. Рядом с ним стоял Гэл. Его мучитель. Его враг. Его гений.

Сейчас Гэл совсем как человек – одежда проста, матерчатые сандалии изношены. Внешне даже похож на Элия: темные волосы, прямой нос. Но не Элий. Лицо невыразительное, бледное, глаза светлые, чуточку сумасшедшие.

Гэл вдыхал аромат благовоний и улыбался. Гению казалось, что он все еще обладает силой.

– Что тебе? – спросил Элий не особенно любезно.

– Денег, – отвечал тот почти с ребячьей непосредственностью.

Элию показалось, что он ослышался. Гений приходит к нему и просит... денег?

Он переспросил.

– Ну да. Денег. Я теперь живу среди людей, и сам почти как человек. Без денег в вашем мире неуютно. Ты хоть понимаешь, что произошло? У нас была такая скотская должность – всю жизнь следить за одним-единственным человеком. Мы вас нянчили, берегли. Теперь старый мир исчез безвозвратно, и все чувствуют себя потерянными – люди, боги и гении. Но люди и боги остались на своих местах, меж ними просто исчезла связь. А гении – они потеряли все. Даже свою сущность. Ныне мы антропогении, то есть и люди, и гении одновременно. Разумеется, те, кому удалось уцелеть во время перехода. Мы гибли тысячами, превращались в змей и котов, и вновь гибли, уже от рук людей... Боги так перепугались, что изгнали всех разом, не разбираясь, кто виноват, а кто нет. Это так похоже на богов. Все гении сброшены вниз. Буквально. С неба на землю. Пожизненная ссылка. И в итоге подлинная смерть. У нас нет шансов даже отправиться в Аид после смерти.

⁶ 24 сентября.

– Хочешь, чтобы я пожалел ваше племя?

– Всего лишь постарался понять, что происходит. Понять иногда бывает так страшно...

Ты ведь тоже боишься. Подумай... Прежде весь мир был наполнен гениями...

Гэл замолчал, и Элий мысленно продолжил вместо него...

...мир был наполнен гениями, у каждого человека за плечом стоял покровитель и вдохновитель. А что же ныне? Звенящая пустота. Люди должны сходить с ума от этой пустоты. Люди – да. Но не Элий. Он привык к одиночеству. Прежде Элий вел непрекращаемое сражение за свою душу, а другие были покойны и счастливы. Теперь все переменялось. В его душе поселился покой, в душах обывателей – смятение.

– Мир опустел и сделался хрупок, – сказал Цезарь. – Рим стал беззащитен. Гении должны объединиться с людьми, чтобы его защитить.

– Значит, мировая?

– Да.

– И ты мне вновь подчинишься?

– Нет, – отрицательно покачал головой Элий. – Ты подчинишься мне.

– Я – тебе? Я – гений, подчинюсь тебе – человеку?!

– Я – Цезарь. А ты живешь на территории Империи, даже не имея гражданства. Так что я приказываю, и это закономерно.

– Гордый Элий просит меня о помощи, хотя и в столь странной форме. Так о чем же ты просишь?

– Гении обладают тайным знанием. Вы должны передать его людям.

Гэл расхохотался.

– Что?! Добровольно взять и отдать? Знание – наше тайное и единственное оружие, единственная гарантия безопасности. Стоит только нам раскрыть свои тайны, и вы нас уничтожите!

– Пытаешься строить из себя обиженного, но именно ты виноват во всем.

– Нет, это ты виноват! – закричал гений. Напускное спокойствие его покинуло. – Ты виноват! Ты! Отрекся от меня, взбунтовался! Если бы не ты, я бы не принял участия в заговоре. Не ты ли говорил, что надо разрушать условности, но нельзя трогать фундамент. А сам занялся фундаментом!

– Я не мог подчиниться твоим указаниям.

– Не мог подчиниться... – передразнил гений. – Откуда у тебя подобные мысли? Ты не мог думать иначе, чем я. Ведь ты не бог, а лишь маленький человечек. Лучше бы тебе вообще родиться без гения.

– Такое бывает?

– Случается иногда. К примеру, Бенит. У него не было гения с самого дня рождения. Теперь этот парень далеко пойдет.

Бенит? Этот наглец и выскочка – ровня Цезарю? Элий по привычке закрыл глаза. Что же это такое? Получается, что так... Они с Бенитом схожи в своем духовном уродстве. Как ни оскорбительно это звучало, но Элий должен был это признать: в нынешнее время Бенит чувствует себя так же комфортно, как и Элий. Да нет, еще комфортнее.

– Ладно, не будем о прошлом, – примирительно сказал гений. – Надеюсь, ты не собираешься мне мстить? Это не благородно, учитывая твоё и моё нынешнее положение. Я два дня не ел. Вспомни, друг, что говорила Сивилла. «Не первины, но половина...» Не прошу половину. Всего лишь тыщонку сестерциев.

Элий помедлил, потом достал кошелек и протянул бывшему покровителю пачку купюр. Тот поспешно схватил деньги.

– Как ты добр, о, Цезарь! – с издевкой воскликнул Гэл. – Знаешь, я даже постараюсь тебя отблагодарить и на время оставлю тебя в покое. – Гэл похлопал Элия по плечу.

Цезарь невольно передернулся. Гэл вызывал у него неприязнь, почти отвращение.

«А ведь Гэл смотрит на меня точно так же», – подумал Элий.

Но едва гений вышел из павильона, как какой-то человек набросился на него сзади, мгновенно заломил руку и прижал к стене. Гэл попытался вырваться, но куда там! Человек был куда сильнее. Ловкие пальцы обшарили карманы и извлекли на свет пачку купюр, золотое кольцо с печатью и записную книжку Элия.

– Цезарь мне подарил! – выкрикнул Гэл в отчаянии.

– Подарил свою записную книжку? Знаешь, старина Квинт слышал на своем веку много всякой лжи, то такое... А ну, пошли!

И Квинт потащил Гэла к воротам. Гений уже почти не сопротивлялся. Преторианцы, стоявшие на страже, с изумлением смотрели, как новый секретарь Цезаря тащит к ним человека... самого Цезаря? Или...

– Как вы его пропустили? – крикнул Квинт издали.

– Мы думали, это Цезарь... – отвечал гвардеец.

Квинт выхватил кинжал и рассек Гэлу кожу на предплечье. Гений закричал. Брызнула кровь в ореоле платины.

– В самом деле, гений, – изумился преторианец.

– Но мы же не можем каждый раз набрасываться на Цезаря с мечами и полосовать ему кожу, – возразил второй.

– Точно, Авл! – ухмыльнулся первый.

Квинт схватил Гэла за руку и повернул кисть ладонью вверх.

– Предлагаешь гадать по руке? – поинтересовался Авл.

– У гениев в линиях судьбы и жизни проступает платина. Разумеется, в крови ее легче обнаружить. И потом, гений лишь притворяется хромым. К тому же голос у него хриплый, как будто простуженный. Так что совсем нетрудно отличить гения от человека. А проще всего... – Квинт сделал эффектную паузу, – спросить у него пароль, который гений не знает.

И Квинт вышвырнул гения за ворота.

– Верно, пароль он нам не назвал, – подтвердили преторианцы. – А мы и не спрашивали.

С видом победителя Квинт вернулся в павильон и выложил перед Элием пачку купюр, кольцо и записную книжку.

– Деньги я дал ему сам, – признался Элий. – Ты зря их отнял.

– Ничего, обойдется!

Элий покачал головой:

– Нет никого страшнее изгоя.

Но Квинта было трудно смутить:

– Ты отдал проходимцу тысячу сестерциев, а мне пожалел заплатить пятьсот за щенка. Но сейчас не о том. У меня срочное сообщение. Секретное донесение «Целия». – Квинт протянул Цезарю бумагу.

Тот развернул сложенный вчетверо листок. Прочел раз. Перечел.

– Академик Трион убит. Ничего не понимаю. – Элий скомкал листок. – Кому понадобилось убивать Триона? Охранники перебиты. Труп академика найден в ванной со вскрытыми венами. Все залито кровью. Похоже на забаву маньяка.

– Ты уверен, что это устроил Руфин?

– Уверен? – Элий задумался. – Как раз нет... не уверен. Проверь, что стало с остальными физиками из лаборатории Триона. Возможно, кто-то хочет наказать их за дерзость.

– Гений?

– Не исключено.

II

Сервилия Кар не сразу узнала гостя, что пожаловал в ее таблин. Он не только обрядился в белоснежную тогу, как полагалось кандидату в сенаторы, но еще и выкрасил волосы белой краской и надел красные башмаки, украшенные серебряными полумесяцами, будто уже был избран. В госте было что-то шутовское, но Сервилии понравилось это шутовство. Ее привлекали люди неординарные, способные на быстрый и неожиданный взлет. Одно время ей нравился Вер, уверенный в себе, красивый, дерзкий. Но Вер исчез. Как и многие, он оказался пустышкой. А вот Бенит не пустышка. О нет! Этот достигнет всего. Возможного и невозможного. Этот не будет путешествовать от должности к должности, чтобы годам к пятидесяти получить тогу с пурпурной полосой. Ему достаточно репутации неординарной личности, и перед ним откроются все двери. Три месяца назад Сервилия Кар указала выскочке на дверь, позавчера он обедал у нее и был принят благосклонно.

– Я выставил свою кандидатуру в бывшей трибе Элия, – сообщил Бенит. – Рим уже три часа как в шоке. Репортеры бегают за мной по пятам. Дал штук десять интервью, а потом сбился со счета.

– Слышала. Недурно придумано, – улыбнулась Сервилия. – Только дело безнадежное...

– Фортуна ко мне благосклонна. А если будешь благосклонна и ты, домна...

– Я буду благосклонна, – пообещала Сервилия. – Но даже все миллионы Пизона не помогут тебе пробраться в курию.

– Заключим пари на тысячу сестерциев. Ты выиграешь, если я буду избран. Идет?

Сервилия на мгновение задумалась.

– Ну что ж, по рукам.

От Бенита веяло энергией, как жаром от натопленной печи. Давненько ей не встречались такие люди.

«Мерзавец, ах, какой мерзавец!» – против воли она улыбнулась Бениту.

«Ты хочешь выиграть. Всегда и во всем. Выиграем вместе, дорогая... – Кандидат положил ладонь на руку матроны. – Наш союз заключен, не так ли?»

III

Бенит вышел из дома Сервилии Кар, мурлыкая под нос скабрезную песенку. Он уже собирался остановить таксомотор. Но передумал. Вместо того чтобы сесть в авто, крадучись двинулся по мощеной дорожке вдоль ограды садов Мецената. Девушка лет пятнадцати в коротенькой пестрой тунике выбирала у цветочницы розы. Бенит заговорщицки подмигнул цветочнице и хлопнул девушку по ягодице. Девушка развернулась и хлестнула ладонью, надеясь вlepить оскорбителю пощечину. Но Бенит ловко отскочил и расхохотался.

– Что за шутки? – Ноздри ее тонкого носа раздувались от гнева.

– На обеде позавчера ты так мило говорила о сенате и обязанностях сенатора. Я просто уписался.

– Проваливай, Бенит, я не собираюсь с тобой разговаривать! – Девушка и на всякий случай отступила на шаг, чтобы у кандидата в сенат не явилось желания вновь похлопать ее по заду.

– Не надо гневаться, Летти. Когда я стану сенатором, я смогу позволить себе гораздо больше. Что не позволено быку, то Юпитер позволяет себе каждый день.

– Ты навсегда останешься быком, придурок, даже если попытаешься изображать Юпитера, – огрызнулась Летиция и зачем-то толкнула Бенита в грудь.

И тут же день померк, навалились густые сумерки, вместо солнца повис матовый зеленый фонарь, в его свете многочисленные статуи перистилия казались восставшими из Аида мертвецами. Страшно было человеку на ложе в саду, страшно и тошно так, что хотелось выть в голос. Он дрожал, всматриваясь в зеленый сумрак. Летиция как бы выглядывала из-за его спины, видела затылок, скулу, тонкую шею, узкие плечи. Мальчишка чуть постарше ее. Кто-то вошел в перистиль. Неровные шаркающие шаги. Элий? Нет, нет, у Элия совсем другая походка. Летиция и сама задрожала, поняла: быть беде. Из темноты сада вышел Бенит. В сенаторской тоге, в черном парике с гладкими волосами. Почему же мальчишка не бежит, или он не понимает, что сейчас произойдет? Беги же, беги... Но мальчишка остался лежать. Он заговорил. Летиция не слышала слов, но почему-то была уверена, что несчастный о чем-то просит Бенита. Не просит – умоляет... И вдруг мальчишка умолк на полуслове. Замер. Окаменел. Понял наконец... Бенит замахнулся. Что-то было зажато в руке. Но что – не разобрать. Кинжал? Нож? Мальчишка бес- сильно выставил руку, напрасно пытаясь защититься... Кровь брызнула на сенаторскую тогу.

– На по... – только и выдохнул несчастный.

– Беги! – закричала Летиция, и видение пропало.

Летиция в ужасе и метнулась через дорогу. Несколько авто взвизгнули тормозами, а девушка уже была на другой стороне.

Убийца! Бенит – будущий убийца!..

– От меня не убежишь! – крикнул ей вслед Бенит, хохоча.

Его забавляла ее злость, и ее страх. Таких козочек приятно укрощать!

Летти влетела в дом, оттолкнула служанку и ворвалась в таблин матери.

– Запрети Бениту к нам приходиться! – выкрикнула она. – Он наглец. Видеть его не могу. Вообразил, что может ухаживать за мной. Вели его не пускать сейчас, чтобы не гнать потом палками.

Сервилия что-то писала и не потрудилась даже отложить стило или поднять голову.

– А почему ты решила, что я прикажу его гнать палками? – бросила она небрежно.

Девушка изумилась:

– Что? Ты относишься к этому подонку всерьез?

Сервилия многозначительно приподняла насурьмленную бровь.

– В мире много подонков. Но большинство из них абсолютно бесперспективны. А Бенит – перспективен. Он далеко пойдет. Дальше, чем ты можешь предположить. Оказаться рядом с таким человеком – большая удача.

– Не для меня! – в ярости выкрикнула Летти. – Его удача – подлая удача. Я его терпеть не могу – запомни это!

– Меня не волнует твое мнение, глупая девочка. Думаешь, я молилась на Гарпония Кара, благодаря которому мы теперь купаемся в золоте? Да меня тошнило, когда я смотрела на его острый лисий нос и близко посаженные глазки. Но такова судьба женщины – спать с тем, кто богат. А для удовольствий, девочка моя, существуют любовники.

– Противно тебя слушать!

– Неужели ты надеешься, что я позволю тебе встречаться с Элием?! – рассмеялась Сервилия. Смех ее был злобен и при этом как-то неестественно глуп. Летиции сделалось нестерпимо стыдно за мать, и она выбежала из таблина.

Перепрыгивая через две ступеньки, она поднялась в спальню, заперла дверь и бросилась на постель. Какая же она дура! Зачем рассказала матери о том, что произошло в Никее! Наде- ялась, что Сервилия с ее связями и честолюбием постарается устроить брак дочери с Цезарем. А вместо этого мать пришла в неопишемую ярость, отхлестала Летицию по щекам, а потом носилась по комнатам и вопила, что Элий изнасиловал ее девочку, и она, Сервилия, немед- ленно обратится в префектуру вигилов и добьется осуждения негодяя. Сервилия как будто сошла с ума, она била посуду, металась по дому, орала, не давая в ответ вставить хотя бы слово.

И даже Фабия, прибывшая на помощь внучке, не могла приструнить обезумевшую дочь. Никакие доводы на Сервилию не действовали. Она продолжала проклинать Элия и Летти.

– Вот уж не думала, что ты будешь себя вести как хозяйка притона в Субуре, у которой увели доходную девчонку, – сказала Фабия.

Реплика неожиданно подействовала. Сервилия замолчала, уселась в кресло и долго сидела неподвижно, пожав губы и глядя в одну точку, обдумывая свое, тайное. После этого она больше не грозила обратиться к вигилам, но строго-настрого запретила Летиции встречаться с Элием.

IV

Запершись в спальне, Летти вытащила спрятанную под подушкой фотографию Элия, упала на кровать и прижала фото к губам. Сегодня у Цезаря день рождения. Интересно, каков будет пир вечером? Кто приглашен? Какие подарки присланы? Что, если удрать из дома и тайком явиться к Элию? Наплевать на все приличия и... О нет, пожалуйста, без глупостей! Летиция будет хитра и расчетлива. У нее есть один союзник – Фабия. Летти всегда была ее любимицей. К тому же старушка сентиментальна. В отличие от практичной Сервилии, бабушка обожает слезливые истории. Дадим ей возможность прослезиться. Пусть Сервилия против, зато Фабия – за. Летиция добьется своего, и никто не сможет ей помешать. Все получится. Потому что она, Летти, прозревает будущее. И в ее будущем звучит только одно имя: Элий.

Летиция вновь поцеловала фото. Она пыталась вспомнить, как Элий целовал ее в полумраке сада и ласкал ее грудь. Боль и страх – все ушло. Теперь ей казалось, что в ее жизни не было ничего восхитительней тех минут. Но восстановить их в памяти невозможно. Их можно только заново пережить.

Глава IV

Игры императора Руфина

«Сегодня, в праздник Либерты Победительницы на Авентине ожидается около трехсот тысяч человек. На церемонии будет присутствовать Элий Цезарь. Сам он когда-то служил волонтером в фонде Либерты».

«Вспомним в этот день слова Эпиктета ⁷:

«Чего не желаешь себе, не желай и другим; тебе не нравится быть рабом – не обращай других в рабство».

«Пожертвования клиентам за первую половину месяца возросли вдвое. Ночлежки переполнены. В бесплатных столовых очереди. И хотя раздача продуктов увеличена, столовые не могут обеспечить всех желающих горячим питанием».

«Несмотря на подвоз дополнительного зерна из Галлии, Полонии и Винланда, хлебные очереди не уменьшаются. Рим испытывает так же недостаток в молоке и овощах. Цены неуклонно растут».

«По неподтвержденным данным те многочисленные паломники ⁸, что объявились в пределах Империи – это бывшие гении, принявшие антропоморфный вид».

«Пожар на автомобильных заводах в Медиолане пока не удается локализовать».

«Акта диурна, 7-й день до Календ октября ⁹.

I

В это утро Юний Вер почувствовал себя лучше. Он понимал, что поблажка кратковременная, и скоро боль вернется, но рад был и этому.

Проснувшись, он сразу вспомнил, что сегодня праздник Либерты – любимый день Элия. Вспомнил и позавидовал другу. Если бы Вер мог верить, как Элий, что «Декларация прав человека» может решить все вопросы! Но, к сожалению, Вер не верил декларациям.

На столике рядом с кроватью вновь появилась золотая чаша, куда больше и изысканнее прежней. Чаша, до краев полная амброзии. Вер не удивился. Аккуратно перелил густую жидкость в золотую флягу, стараясь не потерять ни капли. Но все же пролил – руки его дрожали. С трудом натянул тунику, надвинул соломенную шляпу на глаза, взял суковатую палку и вышел на улицу. Брел, всем телом наваливаясь на палку. Носильщики сами к нему подошли; ни о чем не спрашивая, донести до Эсквилинки. Денег не взяли.

Воздух второго корпуса тревожил его. Будто он, Вер, был зверем и чувствовал по запаху родных среди чужого народа. Он миновал атрий и поднялся на второй этаж, безошибочно идя по следу. Девушка стояла в криптопортике и смотрела сквозь цветные стекла в никуда. Ее профиль по-прежнему мнился профилем на медальоне саркофага. Обреченность сквозила в каждой черточке лица, в повороте головы, в безвольно поникших плечах. Вер коснулся ее. Она повернулась. Он протянул ей флягу. Она взяла. Поняла без слов. Запах амброзии все сказал

⁷ Эпиктет – древнеримский философ-стоик.

⁸ Паломник – негражданин.

⁹ 25 сентября.

вместо Вера. Он дарил ей жизнь. Она кивнула в ответ. Он повернулся и ушел. Боялся, что она начнет его благодарить. Слов благодарности он бы не вынес.

У выхода из корпуса кто-то бесцеремонно схватил Вера за руку. Но, говорят, даже мертвый гладиатор умеет защищаться. Человек так уязвим. На теле немало точек, одно нажатие на которые заставляет двуногую тварь ползать на коленях. Вер глазам своим не поверил: перед ним на колени упал Гюн.

– Идиот! – бормотал Гюн, поднимаясь. – Ты отдал амброзию смертной. Смертной! А тебя просил я... я...

– Ты свое уже получил, не так ли? Так оставь меня в покое.

– Я – гений! – Лицо Гюна исказилось.

– Да, знаю, гений. Вы прежде владели душами. Но что с того? Что вы сделали за две тысячи лет? Ничего. Упивались властью. Или надеетесь вернуть прежнее и вмиг совершить все, что не удосужились свершить за двадцать столетий?

– Гении не позволят людям так с собой обращаться! Вот увидишь еще: мы будем повелевать, а вы – подчиняться!

– Грози. Это тебя немного утешит.

Насмешливый тон взбесил Гюна окончательно:

– Я обещал открыть тебе тайну «Нереиды». Ну что ж, слушай... Я открою ее, – Гюн зло и торжествующе улыбнулся. – Это ты убил их всех.

Вер недоуменно смотрел на бывшего покровителя. Смысл сказанного не доходил до него.

– Ты убил их. Ты! И трусливо забыл об этом. Но я – твой гений, я все помню.

Вер по-прежнему не верил:

– Тогда расскажи, что произошло на самом деле!

– Ты их убил, убил, убил! – как ребенок дразнилку выкрикивал Гюн отступая. Потом неестественно расхохотался и кинулся бежать, зная, что Вер его не догонит.

– Это ложь... – прошептал Вер.

Да, он убил незнакомого парня в драке на улице, убил, чтобы узнать, что такое убийство. Потом убил Варрона на арене. Но тогда, ребенком, он не мог разом отправить в Аид пятьсот человек. Безумие... ложь... Ложь... Безумие...

И все же Вер чувствовал, что в словах гения была доля правды... Неужели? Нет, не может быть... Незнание делало Вера беспомощным. Он должен узнать истину, или сойдет с ума.

«Убил! Убил!» – это слово жалило, как оса, от него было не спастись, не увернуться. Вер забыл обо всем, даже о боли в боку. Он брел, как слепец. Не видел ни домов, ни улиц: перед его глазами был все тот же подвал, чадный свет факелов, длинный стол. И лица... лица... В своей безумной слепоте он натолкнулся на какого-то человека. Тот глянул на немощного гладиатора, брезгливо отстранился. Не узнал. Зато Вер узнал его тут же. Корнелий Икел. Бывший префект претория в Риме! Человек, который пытался убить Элия и... Юний Вер всмотрелся. Нет, это, конечно, не Икел. Кто-то другой, очень и очень похожий. Тогда выходило, что перед ним гений Икела.

Гений Икела! Гений трибуна погибшей когорты. Вот кто должен знать тайну «Нереиды»!

Гений Икела (Гик, надо полагать) больше не обращал внимания на больного оборванца. Гик задержался у лотка, перелистал номер «Акты диурны», купил и двинулся по улице быстрым шагом. Вер, заковылял следом, кусая губы и обливаясь потом. Но, несмотря на все усилия, отставал все больше и больше.

Он понял с тоскою, что вот-вот потеряет Гика из виду, когда из-под арки выскочили двое. Один огрел гения дубиной по голове. Второй тоже ударил (кулаком или ножом – с такого расстояния Вер не мог разглядеть), подхватил обмякшее тело и потащил под арку. Вер кинулся бежать, позабыв, что бежать не может. Споткнулся, ударился больным боком о базу статуи и ослеп от боли. Очнулся уже на мостовой, привалившись спиной к граниту. Подле него на

корточках сидел юноша лет шестнадцати. А немолодая женщина поливала голову Вера водой из пластиковой бутылки.

– Ты болен, доминус, – вздохнула женщина. – Я вызвала «скорую».

– Не надо. – Оттолкнувшись от мостовой, Вер поднялся рывком.

Неловкое движение вызвало новый взрыв боли, но Вер превозмог, до крови закусив губу. Несколько мгновений он стоял, широко расставив ноги и пьяно пошатываясь. Боль накатывала, как волны морского прилива, норовя утопить. Но Вер устоял, взял из рук юноши шляпу, нахлобучил на самые глаза и двинулся дальше. Юноша пошел следом. Вер обернулся и махнул в его сторону палкой.

– Пошел вон!

Тогда юноша наконец отстал. Вер озирался по сторонам, боясь, что может не узнать арку, под которую двое затащили Гика. Но узнал легко. Ибо след был материален. Капли крови рдели на мостовой. Пурпурная частая дорожка вела в глубь двора. А рядом с пурпурными в мостовую вплавились сверкающие белые капли. Вер завернул во двор. Гик лежал возле мраморного фонтана, неестественно вытянувшись и выбросив вперед руку, будто хотел взмыть в небо по старой памяти, но не взлетел, а рухнул на камни уже навсегда. Двое убийц склонились над ним. Один зачем-то тряс неподвижное тело, а второй ножом пытался соскрести с камней платиновые брызги.

– И зачем я тебя послушал, идиот! Я же говорил, не получится, – бормотал человек с ножом.

– Не получилось, – равнодушно подтвердил второй и пнул неподвижное тело.

– Глянь, еще один... – убийца заметил Вера.

Выставив руку с ножом, парень двинулся на бывшего гладиатора. Он был почти мальчишкой, на верхней губе слабо пробивался пушок. Губа была короткой и не могла прикрыть длинные передние зубы. Вылитый заяц. И глаза тоже заячьи, бесцветные, косо прорезанные.

– Что тебе надо, придурок? Валил бы ты отсюда, – прошипел Заяц.

Вер не двигался.

Тогда убийца ударил. Но рука его странным образом взлетела вверх, а нож, выбитый ударом палки, вонзился в стену. В следующее мгновение палка, описав дугу, грохнула незадачливого потрошителя по темечку. Парень, захрипев, повалился в ноги Веру. Его сотоварищ не стал дожидаться расправы, кинулся к наружной лестнице, птицей взлетел на верхний этаж, а оттуда – на крышу. Пробежал, громяхая сандалиями по черепице, спихнул кадку с цветами, перепрыгнул на соседний балкончик, смел веревку с бельем, и, закутанный в простыни и почти ничего не видя, нырнул на чердак, сопровождаемый хлопаньем голубиных крыльев и женскими воплями.

Едва убийца скрылся, как дверь на втором этаже отворилась, и на террасу выглянул дородный мужчина лет сорока.

– Опять гения убили. – Он с любопытством разглядывал неподвижное тело. – Вчера в соседнем дворе ночью одного прикончили. А сегодня уже днем зарезали. Ну и дела!

– За что их убивают? – спросил Вер. – Мстят?

– При чем тут месть? – фыркнул мужчина. – Говорят, если их убить, платиновое сиянье из них льется настоящей платиной. Чем мучительнее смерть, тем больше платины. Видишь на камнях белое? Из-за этих клякс и гоняются за ними. А вигилы не особенно шустрят. Пойду-ка возьму нож, поцарапаю платину, пока «неспящие» не явились.

Вер склонился над гением. Тот был еще жив. Тяжелое хриплое дыхание вырывалось из груди. Странные чувства охватили Вера. Надо же! *Чувства!* Раньше и одно-то вылуплялось с трудом. А теперь – и досада, и обида, и жалость – все вместе. И Вер никак не мог в них разобраться.

– Вызови «скорую»! – крикнул он мужчине вдогонку. – Этот парень жив.

Но мужчина уже скрылся в доме. Элий остался сидеть возле раненого. «Мне нужна твоя тайна, гений... не уходи... ты должен мне рассказать, что произошло тогда в подвале», – мысленно обращался Вер к умирающему. Судорога пробежала по телу Гика. Он силился приподняться, но не мог.

Послышался шорох шин: мигая синими огнями, под арку вкатилась громоздкая машина «скорой». Первым из машины выпрыгнул вигил в красно-серой форме. Уже дней десять как они непременно сопровождали медиков.

– Положение так себе, – неопределенно протянул вигил, склоняясь над раненым. – Гений. По пластине в крови видно. – Он тронул пальцами белую кляксу. – Из-за них у нас столько мороки! Работы в два раза больше, а зарплата та же. В Иды обещали оплатить сверхурочные, но ничего не дали. И неведомо, получим ли в Календы. Власти делают вид, что ничего не замечают.

– Опять гений? – крикнул городской архиятер¹⁰, вытаскивая носилки. – И чего их на землю потянуло? Теперь куда ни плюнь – всюду гений.

– Я бы мог заплатить... – неуверенно предложил Вер.

Вигил с сомнением оглядел заношенную тунику бывшего гладиатора, его матерчатые сандалии.

– Сестерции тебе самом пригодятся, парень. – Юния Вера он явно не узнал.

Архиятер загрузил раненого в машину. Гик был белее мела, в груди у него что-то булькало и хрипело.

– Советую основать фонд «В помощь бывшим гениям»! – крикнул медик на прощание. – К нам их привозят за дежурство штук по десять. Одних режут. Другие сами кончают с собой. Если дело так пойдет, скоро в Риме не останется ни одного гения.

Вигил хмыкнул, но гладиатор не нашел в этой шутке ничего смешного.

II

На углу Вер взял у торговца горячую лепешку с сосиской, хотя не мог есть, и купил у мальчишки-лоточника номер «Акты диурны» (полчаса назад Гик здесь покупал вестник). Вер уже собирался вернуться в свою нору, когда взгляд его упал на обложку толстого ежемесячника. На цветном фото красовался огромный колодец, облицованный серым мрамором. Не колодец даже, а целый бассейн. Вер почти механически взял ежемесячник, перевернул страницу и прочел надпись: «На первой странице обложки таинственный Колодец Нереиды».

Все поплыло перед глазами. Веру почудилось, что он видит рябщую на солнце воду и слышит неведомые голоса. По спине пробежал озноб – ни плащ, ни туника как будто не касались уже его плеч.

Вер перелистал несколько страниц. Ежемесячник сам открылся на нужной:

«В одной из крепостей Нижней Германии находится удивительный колодец...»

Сердце бешено заколотилось. Тело обдало сначала нестерпимым жаром, потом – ледяным холодом. Колодец Нереиды! Крепость... закопченный свод... отсвет факелов. И, пробиваясь сквозь биенье крови в ушах, долетел чей-то крик: «Не могу!» Память готова была проснуться. Он вот-вот вспомнит. Надо только добраться до этого колодца! Сейчас! Немедленно. Вер повернулся и зашагал к своему домику. Ему казалось, что он бежит. На самом деле он едва волочил ноги.

¹⁰ Архиятер – врач в Древнем Риме на государственной службе. Были архиятеры придворные и архиятеры городские. Придворные обслуживали императора, городские – простых смертных. Правительство платило им жалованье и снабжало бесплатными лекарствами.

В спальне золотая чаша опять до краев была полна амброзией. Вер отрицательно покачал головой, уверенный, что неведомый даритель видит его жест. Зачем Веру амброзия? Пища богов приведет его на Олимп. Но Олимп не интересовал Вера.

III

Праздник Либерты Победительницы стали отмечать в Риме относительно недавно – около двухсот лет назад, когда запретили рабство, и Большой Совет, собравшийся на свое ежегодное заседание в Аквилее, принял «Всеобщую декларацию прав человека».

Этот день Элий хотел провести в одиночестве. С утра он ездил в Рим и присутствовал на жертвоприношениях в храме Либерты. На алтаре богини Свободы сжигали списки выкупленных из рабства на невольничьих рынках за пределами Империи, и сами счастливики в белых туниках и шапочках, какие прежде носили вольноотпущенники, бросали на алтарь благовонные зерна. Авентинский холм и миртовые рощи вокруг окутались благоухающим дымом. В чаше факела, что сжимала Либерта в своей мощной руке, пылало оранжевое пламя. Ветер срывал его и уносил в ярко-синее небо над Римом.

Всем, кто поднимался на Авентин в этот день, подавали в бумажных чашках «рабское» вино, приготовленное по рецепту Катона – жуткое пойло из смеси морской воды с водой простой, приправленное уксусом и перебродившим виноградным соком¹¹. Когда-то подобной гадостью вместо настоящего вина поили рабов. Теперь каждый свободный человек раз в год должен был хлебнуть этой отравы, чтобы понять, каково рабство на вкус. После того как, морщась и давясь, участник церемонии проглатывал рабское пойло, жрицы храма Либерты подносили в серебряных чашах столетний фалерн. На каждой чаше было выбито «Вкуси Свободы». Подавая чашу, жрица произносила ритуальную фразу:

– Пусть никогда ты не изведает рабства.

В день Либерты каждый гражданин должен положить на золотой поднос деньги. Элий положил сто ауреев. Он знал, что это песчинка. Но, сделавшись Цезарем, Элий не сделался ни на сестерций богаче.

IV

О том, что вечером в Тибур приедет Руфин, Элий узнал всего за два часа до начала обеда. Руфин обещал привести с собой еще семерых. На кухне началась паника. И хотя продуктов было достаточно, повара просто не успевали приготовить изысканные блюда. Главный повар кинулся к Элию за указаниями.

– Готовь, что было заказано. Что ест Цезарь, отведают и Август. Не говоря о гостях.

Повар изумился, но перечить не стал. Сразу видно, что Цезарь ничего не понимает в пирах. На то и пир, чтобы гости восхитились яствами, а не тупо набивали желудок.

Когда пурпурная «трирема» императора въехал в ворота поместья, а за ним на трех белых открытых «кентаврах» прибыли остальные, Элий ожидал их в пурпурной тоге, какая и полагалась в данном случае. Сделавшись Цезарем, на официальных церемониях Элий старался соблюдать все мелочи бесконечных ритуалов, где просчитаны шаги, выверены фразы, взгляды, приветствия и улыбки. Однако с первой минуты Элий понял, что о соблюдении ритуалов в этот вечер речи не идет. Во-первых, Руфин прибыл не с Августой, а с Криспиной Пизон. Белокурая двадцатилетняя красавица смотрела на всех самодовольно и свысока. Нити жемчуга, обвивавшие ее шею, стоили куда дороже виллы Элия в Каринах. Во второй машине сидел префект

¹¹ Рецепт приведен в книге Катона Старшего «Земледелие».

претория Марк Скавр в обществе поэта Кумия. Более нелепое соседство трудно было представить. В третьей машине приехала Валерия, а из последней вылезли Фабия, Марк Габиний и... Летти. Девушка была в длинном белом платье, а ее короткие светлые волосы украшали красные и синие бантики. Увидев Элия, она округлила глаза, изобразив наигранное изумление, будто не ожидала его здесь встретить. Элий помнил Летти насмерть испуганной девочкой – сегодня она была весела и игрива. Зато Фабия смотрела хмуро: происходящее ей не нравилось. Марк Габиний ко всему относился с безразличием.

Руфин выглядел довольным и как будто растолстевшим, если можно растолстеть за несколько дней. Он чуть ли не лопался от умиления, глядя на свою спутницу. Император похлопал Элия по плечу, как старого приятеля. Впрочем, он был приемным отцом Элия, и его жест был почти уместен.

– Не стоило надевать тогу, мой маленький сынок, – Руфин ухмыльнулся и подмигнул остальным. – Совершенно ни к чему. За столом ее все равно придется снять. Я, разумеется, знаю, как ты трепетно относишься к празднику Либерты Победительницы. И потому решил, что должен провести этот вечер здесь, в Тибуре. Эй, ребята, живее тащите все на кухню, – крикнул он слугам. – Я знал, что у тебя в кладовых пусто, и велел прихватить кое-что из запасов Палатина. Где мы будем обедать? Надеюсь, ты велел накрыть стол возле Канопского канала?

– Именно там, – отвечал Элий.

– Обожаю обедать на открытом воздухе. Ах, посмотри, что за красавица эта Криспина! Ну, просто куколка! – И Руфин обнял за талию избранницу.

Валерия поцеловала брата. Она была очень бледной, вокруг глаз легли свинцовые тени. Но при этом Элию показалось, что она сделалась куда красивее, чем прежде.

– Э, не столь страстно целуй его, Валерия Амата! – воскликнул Руфин, а сам при этом облизывал губы Криспины. – А то мне как великому Понтифику придется угостить тебя плетями.

– Я не нарушала обычаев, Август. – Валерия склонила голову в белой повязке весталки. Ее смирение было искренним, и все же слова прозвучали издевкой.

И тут же она почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась. Марк Габиний пристально смотрел на нее. В его взгляде было что-то странное, что-то близкое к ненависти. Валерия шагнула к нему и коснулась руки актера.

– Сочувствую тебе в твоем горе. И я всегда буду помнить твоего сына.

Марк отвернулся, взгляд его потух:

– Скоро я научусь с этим жить. Как твое здоровье, боголюбимая Валерия? Слышал, ты болела?

– Мне уже гораздо лучше. Я поддерживаю в храме огонь. Правда, пока лишь в дневные часы.

– Если бы все были похожи на тебя, боголюбимая Валерия, не стоило бы и беспокоиться за судьбу Рима.

Неожиданно он с силой стиснул ее пальцы. Фабия заметила этот жест и сказала громко:

– Я бы не смогла быть весталкой. Какое нудное однообразное занятие: изо дня в день смотреть на огонь и сжигать свою жизнь.

– Разве мы не занимаемся тем же самым? – бесцветным голосом отвечал Марк Габиний, отпуская руку Валерии. – Только не так явственно. И без всякой пользы. Живем для себя. А она служит Весте. И Риму. Я ей завидую.

Хотя Марк произнес эти слова искренне и с затаенной грустью, Фабия решила, что ее старый приятель шутит. Может ли актер быть искренним?

Когда Элий подошел к Летиции, девочка рассмеялась:

– Ты не ожидал меня здесь увидеть, так ведь?

О боги, как она молода! Ее веселит каждый взгляд, каждый жест, каждое пустое словцо. Неужели он и сам был таким в четырнадцать? Ему казалось, что нет.

– Не ожидал, но хотел, чтобы ты пришла.

Элий почти сразу оставил ее, будто испугался собственной откровенности. Исполняя роль любезного хозяина, перемолвился парой слов с Кумием, потом – со Скавром.

Новый префект претория был молод, хорош собой, обласкан толпой и сенатом. Аристократ до и кончиков ногтей, чьи манеры безупречны, а речь изысканна, он прекрасно подходил для приемов и парадов. Он бы неплохо смотрелся во время триумфа. Но Элий не мог представить его во главе легионов на марше. Не говоря уже о полях сражений.

– За стол! За стол! – ударил в ладони император. – Признаюсь, дорогие мои, я ужасно проголодался. С чего бы это, а?

Никто не ответил. Лишь Криспина громко и вызывающе захихикала. Получилось довольно глупо.

V

Пиршественный зал располагался возле Канопского канала. Под этим полусводом пировали императоры и их любимцы, консулы, сенаторы, легаты и префекты, их любовницы и любовники, временщики и аристократы. Порой этот пиршественный зал на открытом воздухе забывали на долгие годы, и тогда слуги устраивали здесь свои маленькие пирушки и веселились с девками там, где прежде возлежали властелины мира.

Руфин любил поместье Адриана и заново отделал все павильоны, в том числе и апсиду у Канопского канала. Это было его любимое место. Этим вечером пиршественная скамья была уже застлана мягкими шерстяными тканями, каждого из гостей ждала расшитая золотом подушка. А на столе на серебряных и золотых тарелках слуги расставляли закуски. Руфин против обыкновения занял место в центре. Элий собирался расположиться рядом с Валерией, но император остановил его.

– Нет, нет, со своей сестричкой ты можешь беседовать в любое время. Лучше развлекай гостей. А я подберу для тебя более подходящую пару.

И возле Элия очутилась Летиция. Элий неожиданно смутился. Для обеда он снял тогу и остался в одной пурпурной тунике из тончайшей шерсти. К тому же на ложе не полагается забираться в обуви, и теперь высокие голенища не скрывали уродство искалеченных ног. А в довершение всего Пэт вместе с венком принес Цезарю шерстяные носки, окрашенные в пурпур. Летиция отвернулась и старательно делала вид, что не заметила услужливости Пэта. Элию казалось, что сейчас она лопнет от смеха.

Сам же Руфин указал на место подле себя с одной стороны – Фабии, с другой – Криспине. Юная красавица хихикала, когда император целовал ее в губы. Фабия неодобрительно хмурилась.

– А чтобы ты сделала, если бы Руфин выбрал тебя, а не Криспину? – шепотом спросил Элий.

– Я бы убежала. В Дакию. Или в Африку. Или в Британию. А может, в Новую Атлантиду. Мир велик.

Летти заметила, что при упоминании Новой Атлантиды Элий едва заметно вздрогнул. Цезарь поспешно сделал знак виночерпию, и тот подал гостям глиняные кружки с «рабским» вином. Гости заранее морщились.

– Вот же угораздило скрягу Катона оставить нам рецепт этого пойла, – фыркнул Руфин.

– Пожелаем себе пить «рабское» вино только один день в году. – Элий одним большим глотком проглотил напоминающую укус жидкость.

– Неужели я тоже должна *это* пить? – надула губки Криспина.

- Тебя же не было утром на Авентине, – с шутливым упреком заметил Руфин.
- Как и тебя! – воскликнула Криспина. – А кто вообще сегодня был на Авентине?
- Элий, – подала голос Летиция.
- А кто еще...

Все молчали. Даже Валерия.

Элий заметил, что Кумий тайком вылил содержимое своей кружки на землю, как будто приносил жертву богам. Летти поколебавшись, все же выпила так называемое «вино», и принялась спешно закусывать фаршированным яйцом.

Тем временем виночерпии наполнили золотые и серебряные чаши гостей уже иными напитками. После этого Элий развернул заранее приготовленный свиток.

– Элий, сынок, неужели ты будешь зачитывать нам «Декларацию»? – демонстративно зевнул Руфин. – Мы ее все знаем...

– Разве?...

– Не будем относиться к этому так серьезно. – Император погладил пухлое плечико Криспины.

– На свете слишком мало вещей, к которым можно относиться серьезно, – отвечал Элий.

Он знал, что для Руфина и Скавра он – смесь комедианта и гладиатора, сыграет роль и быстренько покинет арену. Он и сам не должен воспринимать свое положение всерьез – ему постоянно давали это понять. Но он не собирался разыгрывать из себя шута. И повысив голос, Элий Цезарь начал читать. Впрочем, ему не надо было заглядывать в свиток. Он знал декларацию наизусть.

– «Статья первая. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства...»¹²

Голос его звенел от обиды, все пирующие примолкли, и даже Руфин вынужден был делать вид, что слушает.

– «...Статья четвертая. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах».

Теперь Скавр остервенело зевнул.

Летти обиделась за Элия и, повернувшись, толкнула префекта под руку так, чтобы тот пролил себе на тунику вино из бокала.

– Ах, я такая неловкая, – воскликнула она, но не сдержалась и прыснула от смеха.

– «Статья пятая. Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию».

Скавр тоже начал смеяться, но не ясно, что привело его в столь веселое расположение духа – неудачная шутка Летиции или слова «Декларации». Летти разозлилась и попыталась толкнуть Скавра под руку еще раз, но тот успел отстраниться и при этом облился вином еще больше. Тут Летти не выдержала и расхохоталась вовсю. Элий понял, что читать дальше не имеет смысла, и отложил свиток. Гости поспешно осушили бокалы в честь богини Либерты. Летти запоздало сообразила, что, желая помочь, сделала только хуже, и с жаром принялась извиняться. Элий попытался отшутиться, но обиды скрыть не сумел. Хотя он верил в ее искренность. Он всегда *ей верил*.

– Только поэты знают, что такое свобода, а все остальные делают вид, – вздохнул Кумий.

– Тогда Элий самый великий поэт, – выкрикнула Летти, вновь торопясь вмешаться. – Хотя он и не написал ни одной поэмы.

Она выпила бокал неразбавленного галльского вина и захмелела.

– Поцелуй меня в плечо, Элий, – шепнула Летиция. – Это допускается, не так ли?

¹² Древнеримский юрист Ульпиан сформулировал эту статью как закон: «По природе все люди равны».

Элий коснулся губами ее кожи, и она вздрогнула и отпрянула. Невинный, казалось бы, поцелуй вызвал жгучее взаимное желание. Летти оправила руками тонкую ткань платья на коленях. Элий провел ладонью по ее бедру. Однажды она принадлежала ему. Он был тогда болен, в полубреду, она – безумна. Это так походило на любовь.

– Цезарь, твоя ладонь прожжет мне платье, – шепнула она.

Он убрал руку. Но не слишком поспешно.

подавали запеченного угря и миноги. Летти попросила вновь наполнить ее бокал. Виночерпий в венке из белых роз тут же выполнил просьбу. Когда Элий поднял голову, то увидел, что бокал Летиции наполняет Квинт. При этом прохожа выразительно подмигнул Элию.

– Когда можно будет встать? – спросила Летти.

– Когда подадут десерт.

Уже темнело. Копии кариатид, искусно подсвеченные, выделялись на фоне почти черной листвы. И их отражения, колеблясь, плыли на поверхности канала. На противоположной стороне под полукружьями воздушных арок застыли мраморные Минерва и Меркурий, наблюдая с равнодушием богов за безумствами людей.

VI

«Морской театр» Адриана был окружен тройным кольцом – водой, колоннадой, каменной стеной. Внутри попадали по узенькому мостику. Островок был не только местом отдыха, но и маленькой крепостью. Здесь можно отгородиться от мира и вообразить, что за стеною и колоннами не осталось ничего. Только Хаос. Из которого родились черный мрак Эреб и всепобеждающий Эрос. Элий провел Летти во внутренний садик крошечной островной виллы. Восемь колонн ионического ордера образовывали четырехугольник, стороны которого плавно выгибались к центру. В углах садика – копии греческих скульптур. В центре дворика мраморная обнаженная нимфа выливала воду из кувшина. Десять лет назад фонтан, как и всю виллу на острове, реставрировали. Именно тогда возле фонтана вновь поставили ложе. Летти упала на него и раскинула руки. Элий остановился у изголовья. Она видела его опрокинутое лицо. Черное небо над головой было чашей фонтана, а лицо Элия – отражением в этой чаше. Иногда кажется, что достаточно перевернуть мир, чтобы его понять.

Ее чувство к Элию похоже на восторг дитяти при виде красивой игрушки. Но разве Элий – игрушка? Что вообще она знает о нем? Так ли душа его блестяща, как издали вообразил ребенок? Ребенок, который быстро взрослеет. За это лето она прожила десять лет. Осень составит ее еще на добрый десяток, и она сделается душой умудреннее Элия, хотя внешне останется молодой.

– Мы все-таки убежали от них, – она засмеялась. Но уже почти через силу.

– Тебе не стоит пить. Ты еще маленькая девочка.

– Мне скоро пятнадцать. Я не ношу детскую буллу.

– Хорошо, ты – взрослая, – уступил он. – И ты пророчица. Но, Летти, девочка моя, если бы ты знала только, что сейчас происходит в мире.

– А я знаю, – ответила она с уверенностью, которую дают неполные пятнадцать лет и необычный талант. Она смахнула ладошкой слезы и вновь улыбнулась. – Все скоро рухнет. Все-все. То, к чему привыкли. Ничего не останется, – она произнесла это так легко. Подумаешь – рухнет мир. Это не так уж и страшно. Гораздо страшнее то, что Элий ее не любит.

У него сжалось сердце. Опасность рядом, и в то же время почти не ощутима. К ней надо повернуться лицом, но не знаешь, где она. Остальным проще, они не слышат, не видят, они предаются наслаждениям. Рим веселится так, как давно не веселился. Разве что тысячу лет назад на пороге своей гибели. В тот раз вмешались боги. А сейчас? Пожелают ли они снова

помочь? Нужен ли им Рим? Нужен ли он вообще кому-то? Миллионам, живущим в пределах Империи полагается отвечать «да». Но речь не о них. О ком-то другом.

– Мы с бабушкой объездили полмира. Я была в Афинах и Александрии, в Тимугади и Антиохии, – хвасталась она.

– А в Месопотамии?

– В Нисибисе. Была еще где-то, но где – не помню.

Нисибис... В Сивиллиных книгах говорилось о Нисибисе. О новой стене, которую надлежит возвести в этом городе. Стоик во всем должен видеть скрытый смысл, указания всесильного Фатума. Получалось, Нисибис упомянут Летицией не случайно.

– Ты помнишь Нисибис?

Она на мгновение задумалась:

– Помню, но весьма смутно. Кирпичные обветшалые стены. Там было очень жарко. Бабушка купила ковер, который лежит теперь в моей спальне. Поэтому я и запомнила, что была в Нисибисе.

– Представь Нисибис. Представь его зубчатые стены. Ты должна увидеть какие-то новые укрепления. Каковы они? Это очень важно... Представь будущее...

Она закрыла глаза и тут же вскрикнула от непритворного испуга.

– Что случилось?

– Я видела... – прошептала она, запинаясь. – Руины. Город, сожженный дотла. Одни остовы зданий. Нет, не так. Кусок стены, черный, обгорелый, с провалами окон. Один этот кусок, и больше ничего. Земля вся взрыта, а вокруг только камни и пепел, один черный пепел...

Он наклонился над ней, стиснул ее плечи. Но в его жесте не было ничего чувственного.

– Это точно Нисибис?

– Не знаю. Никто бы не узнал город, если бы и захотел.

– А стена? Укрепления? Ты видела новые укрепления?

Она отрицательно покачала головой.

Что это? Магия? Гнев чужих богов? Или нечто похуже? Удар молнии, выпущенный из перуна Юпитера, испепелил дом Марка Габиния. Но даже перун царя богов не может уничтожить целый город. Неужели людям на низкорослых лошадах под силу такое? Элий на мгновение возненавидел Летицию за этот черный сожженный город, который он так отчетливо увидел ее глазами. Как будто она тоже была виновата в катастрофе. Как и он. Как все.

– Невозможно, – сказал Элий вслух, проверяя силу этого слова. Но не ощутил его веса. Пустота. Колебание воздуха.

– Значит, ты позвал меня сюда, чтобы я раскрыла тебе будущее? – Голос Летиции задрожал от обиды. – Ты все время думаешь о своих важных государственных делах. Даже когда со мной здесь наедине! – Она вдруг заплакала. Легко, по-детски, как прежде смеялась. – Я знаю, ты презираешь меня, считаешь развратной, потому что я легла с тобой в постель! Потому что сама попросила об этом! Да я, шлюха! Я целую твой портрет и ласкаю себя и воображаю, что предаюсь с тобой Венериным удовольствиям. Я не могу ни о чем думать – только о тебе. Каждую минуту, каждую секунду. Сажу одна в комнате и шепчу: «Элий, Элий...» Я просто-напросто сошла с ума. Только и всего! – Она не знала, что заставило ее признаться в подобном. Ей хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы приблизиться к нему.

– Мы должны быть рядом, чтобы было не так страшно. – Это все, что он мог сказать.

– Рядом или вместе?

Он обнял ее за плечи, привлек к себе. Она прижалась к нему так порывисто, что повалила на ложе, будто собиралась устроить веселую детскую возню. Ребенок, совсем еще ребенок.

– Почему ты ко мне так относишься, а? Почему?

Он хотел ответить шутливо, и не смог. Вместо ответа положил ее ладонь себе на грудь. Хотел сказать что-нибудь нежное. Сказать нетрудно. Слова обрадуют Летти, как погремушка

ребенка. Но напрасно он набирал раз за разом в легкие воздух – произнести не мог ни звука – только губы беззвучно шевелились.

– Считай, что ты все сказал, – засмеялась она и стала целовать его в губы.

– За что ты меня любишь, Летти? Ведь я калека, настоящий антиганимед¹³, ты должна испытывать ко мне отвращение.

Летиция покосилась на его изуродованные ноги. Да, наперегонки с Элием не побегаешь. Но при этом Цезарь надел на пир тунику без рукавов, будто невзначай желал покрасоваться мускулатурой плеч и рук.

Летти погрозила ему пальцем:

– Ты кокетничаешь, как девчонка! Ты позировал Марции для ее Аполлона, и все знают об этом. Для доблестного мужа это неприлично.

Элий смутился:

– Мне кажется, что ты старше меня, Летти. И одновременно – ты – ребенок. Но знаешь ли ты меня? Ты клялась, что любишь. Я верю. Но не знаешь – это уж точно.

– Зачем мне знать тебя, если я тебя люблю? – Ей и самой хотелось узнать его и понять, но сейчас она принялась ему противоречить. Каждую минуту она чувствовала себя другой. Не могла нащупать нужный тон. Хотелось все время говорить, неважно что – лишь бы слова звучали напевно, лишь бы фразы были особенно музыкальны.

Она погладила его волосы. Он перехватил ее руку и прижал к щеке. Физически он желал ее. А сердцем? Она не знает, каков он. А он знает – какова она? Что у нее на душе? Он видит юную девчонку, прежде – испуганную, ныне – самоуверенную. И только. Но кто она? Пророчица, наполовину гений, наполовину человек. Порой ему казалось, что ее детская наивность и кокетство – лишь неумелое притворство. А на самом деле она в тысячу раз умнее его. Но это предположение его не оскорбляло. Отнюдь. Ему нравилось думать так.

– Считаешь меня капризным ребенком? – вызывающе спросила она. – А я не капризная, нет. И не избалована. Да, я росла в богатстве. Но мама никогда не исполняла того, что я хотела. Если я просила подарок, я его не получала. Если выбирала платье, Сервилия тут же покупала другое, самое безобразное, какое только имелось в лавке, но при этом непременно крикливое, заметное. Чтобы все обращали на меня внимание и видели, как я безобразна. Меня заставляли чинить электрическую проводку в доме и прибирать в комнатах. Поэтому я ненавижу метелки, а еще больше – электроприборы, а они непременно ломаются у меня в руках. У нас, так сказать, взаимная вражда. А еще меня заставляли прясть шерсть.

– Прясть шерсть? – переспросил Элий. – Разве этим еще кто-то занимается?

– Конечно, нет! Но ты помнишь старинные эпитафии? «Матрона была добродетельна и пряла». Так вот – я тоже пряла. По теории Сервилии человек должен учиться преодолевать невзгоды, занимаясь неинтересным, унижительным делом. Именно так рождается воля к жизни. Умение постоять за себя. А я не желаю больше прясть шерсть! Ясно?

– Бедная моя, – шутливо вздохнул Элий и погладил ее по голове. – Я не буду заставлять тебя прясть шерсть.

У Летиции вспыхнули щеки. Намек Элия был более чем прозрачен. И все же он был так далек от нее... Как пробиться к нему? Как? Вновь принадлежать ему и ни на йоту не приблизиться. Вот только зачем? Разве может любовь удовлетвориться нелюбовью? Лучше не искать ответа на вопросы. По крайней мере, в эту ночь. Лишь прикоснуться губами к коже, и впитывать в себя тепло и дышать теплом и дарить тепло. Потому что скоро, очень скоро наступит холод и поглотит весь мир.

¹³ Антиганимед – урод. Ганимед – красавец-юноша, похищенный Юпитером.

VII

Фабия отыскала их в полутемной аллее. Они шли рядом вполне целомудренно и чуточку старомодно – Элий, хромая, опирался на руку Летти. Если Фабия хотела обмануться, то у нее была такая возможность. Но Фабия даже не заметила их соединенных рук, и того, как они смотрели друг на друга. Впрочем, было темно. Но даже не это было причиной. Фабия вся кипела от возмущения.

– Руфин женится на Криспине! Это решено. О, боги! Он разводится с женой, с которой прожил столько лет ради смазливой дуры. Элий, ты должен предотвратить это безумие!

– Зачем? С бесноватыми надо бесноваться, разве ты не знаешь старой поговорки?

– Мы сейчас же уезжаем! Летти, я иду за авто. Жду тебя у ворот.

Летти вздохнула, глядя ей вслед.

– Бедная бабушка. Она слишком близко к сердцу воспринимает каждое событие в Риме. Надо посоветовать ей исполнить какое-нибудь желание. Пусть пожелает безумной любви или невероятных приключений. Это отвлекло бы ее от реальности. Правда, Элий?

– Летти, я тебя попрошу сейчас об одном.

– О чем, милый?... – он провела ладонью по его лицу. Пальцы замерли на его подбородке. О боги, неужели пора расставаться? Летти готова была упасть на колени и умолять Элия позволить ей остаться. Служанкой, любовницей – неважно кем. Лишь бы рядом с ним.

– Не бери гладиаторских клейм.

Летиция его не слушала. Она сейчас уедет – ни о чем другом Летти не могла думать. Пока они рядом... как хорошо! Быть все время рядом и ни на миг не расставаться – вот счастье! Неужели он не чувствует, как сильно она влюблена!

– Обещай мне не брать клейм.

– Ладно. Я маленькая девочка и не могу взять клеймо. Или ты забыл? Клейма предоставляются лицам, достигшим двадцати лет, – и она захихикала, старательно пытаясь убедить его в том, что она глупа.

Еще минута! Еще минута вместе! Она не выдержала, обвила его шею руками и прильнула к его губам. Пусть видят. Ей плевать. Быть мудрой – невыносимо!

VIII

Элий смотрел, как гости покидают поместье. Летти сидела в последнем авто. Когда «кентавр» уже выехал за ворота, девочка обернулась и махнула рукой. Ее любовь ему льстила – так гладиатору льстит поклонение влюбленных нимфеток. Не более того. В глубину ее чувства он не верил – в этом возрасте принято влюбляться безумно и кратко, она выбрала его, и теперь играет в любовь. День придет – все пройдет, и игра, и безумие.

– Милая девочка, – сказал Квинт, становясь за плечом Элия. Он сказал это слишком многозначительно. – К тебе равнодушна. К тому же соблазненная. Разве теперь ты не должен жениться?

– Дело не в этом...

– А в чем же? Не волнуйся, я заглянул в историю ее болезни. Она только что прошла обследование в Эсквилинской больнице. После травмы не осталось осложнений. Вер добросовестно заклеил желание ее матери.

Странно, но Элий только что подумал именно о ее недавней болезни. Мысли, что ли, читает Квинт!

– Сервилия меня терпеть не может. Она никогда не согласится на этот брак.

– Так и говори: нужна помощь в щекотливом деле. Я дам отличный совет, друг мой. Обратись к императору. Он – твой приемный отец. Намекни, что было бы неплохо сыграть одновременно две свадьбы – твою и его. Он не глупый человек и сразу поймет, что твой брак сделает его женитьбу не такой смешной в глазах вечно насмешничающих римлян. Ты тоже намного старше своей невесты. На сколько – не имеет значения. И не разводился спешно, чтобы заполнить в постель девчонку.

«А Марция?...» – хотел спросить Элий.

При мысли о Марции Элию сделалось тошно, захотелось лечь прямо на дорогу в пыль, и лежать не двигаясь. Умереть... Или хотя бы позабыть обо всем.

И опять Квинт угадал его мысль.

– Марция – конкубина. О конкубинах римляне быстро забывают. А Летиция – милая девочка, – повторил свой довод Квинт. – Если сватом выступит император, ни одна мамаша не посмеет перечить. Видишь, как все просто.

– Почему ты решил, что я хочу жениться?

– Ты *не хочешь*, ты – *должен*, – поправил его Квинт. – Ты – Цезарь. В твоём возрасте Цезаря всегда женаты. Ты несколько припозднился.

– Наследников нарожает Криспина.

– Родит кого-то Криспина или нет, это еще неизвестно. Не надо, друг мой, увиливать от выполнения обязанностей. Тем более таких приятных.

Элий не ответил, захромал к своему павильону.

«Хороший мальчик, – подумал Квинт, глядя в спину Цезарю. – Но этого мало, чтобы сделать из него хорошего императора!»

– Тебе не нужен агент? По-моему один ты не справляешься со своей ролью...

Квинт резко обернулся, будто ожидал нападения. Но неизвестный не собирался нападать. Красивый молодой человек. Горбоносое, с дерзким разлетом бровей лицо, в меру упрямый подбородок. Высок ростом, могучее телосложение.

– Ищу работу, – сказал незнакомец. – Могу быть охранником или соглядатаем. Работа не хуже и не лучше прочих...

– Прежде чем занимался?

– Тоже вроде охраны. Только в более крупном масштабе.

– В службе «неспящих»?

– Повыше будет.

Квинт внимательно оглядел гостя. Если повыше, то Квинт должен был бы знать его, а Квинт не знал. Молод, нестерпимо молод этот парень для высокой должности. Или, напротив, стар. Мысль, что незнакомец стар, пришла внезапно.

– Ты – гений Империи, – сказал Квинт, уже не спрашивая, а утверждая. – А где же твое платиновое сияние? – Тут Квинт заметил, что слабое свечение от гения все же исходит.

– Сияние скоро исчезнет, – признался бывший покровитель Империи. – Гении стали как люди, когда боги изгнали их на землю. Отныне мы не бессмертны. Наша жизнь уже не бесконечна, мы не будем стареть, но будем болеть и умирать от ран. Нас можно убить. И в конце концов последние вымрут от рака. Какое чудовищное наказание! Знать, что у тебя миллионы лет впереди, а сдохнуть через год в мучениях в какой-нибудь захудалой больнице.

Он был красив. Судя по тонкости и правильности черт, высокому росту и атлетическому сложению – Империя прекрасна. Гений Империи. Воплощение власти. Когда-то, обладая безмерной силой, гений мчался по небу, оставляя за собой платиновый след. Мог наставлять, остерегать, помогать или противиться. Сейчас он человек. Почти. Квинт может пронзить его мечом, и гений умрет. Империя от этого не пострадает. Империи нет до него больше дела. Ни Империи, ни богам. И что же теперь? Неужели Квинту будет служить сам гений Империи? Это было так же дико, как сказать ветру: замри, или приказать морю не волноваться.

– Почему ты хочешь служить мне? – поинтересовался Квинт.

Гений колебался – говорить или не стоит? Можно ли доверять фрументариям?

– Хочу служить Цезарю.

– А он скоро не будет Цезарем. Что тогда? – Квинт насмешливо прищурил один глаз. –

Уйдешь?

Гений закусил губу. Неужели хитрец хочет поймать его на такую простую удочку?

– Хочу служить Элию.

– А, вот это уже лучше. Можно сказать – очень хорошо. Я, думаю, мы с тобой сработаемся. – Квинт похлопал гения по плечу. – Как же мне тебя именовать? Гений Империи? Ну, это слишком длинно, вычурно, и к тому же сообщает о твоём унижительном понижении в должности. Однако и менять полностью имя нельзя. Поищем что-то среднее. Назову я тебя Гимпом. Ты не против? Кстати, хорошо среди людей, Гимп?

– Привыкаю потихоньку.

– Врешь ты все. К этому нельзя привыкнуть. А теперь скажи: будешь предавать своих собратьев-гениев, служа мне?

– Я буду служить Риму. Этим все сказано.

– Неплохо для начала. Только правду ли ты говоришь? Гений Империи – и такой милашка. В тебе должно быть больше грубого, почти звериного. Ведь ты – сама власть.

– Это вы, люди, так меня представляете. Но я – гений. Я – не ваша мысль, а мысль богов.

Не я равняюсь по вам, а вы – по мне.

– Да? Занятно... Ну что ж, служи Элию, Гимп. У меня для тебя есть особое поручение.

У Квинта было такое чувство, будто он не учел чего-то очень важного. Быть может, самого важного. Но чего – он не понял. А гений Империи больше ничего не сказал.

IX

Входя в любое помещение, Квинт непременно окидывал его взглядом. И сейчас он оглядел свою спальню. Оглядел и остолбенел. Мгновенно повлажневшая ладонь нащупала рукоять меча. Но сомнительно, чтобы Квинт успел обнажить клинок. На кровати, свернувшись кольцами и блестя маслянистым густым блеском, лежал огромный змей. Толщиной он был в ногу Квинта, а длиной... Фрументарий не стал прикидывать хотя бы приблизительно, какова длина этой твари. Змей приподнял плоскую голову. Вертикальный зрачок уставился на Квинта с любопытством. Может, змей желал, чтобы Квинт заговорил? Но ведь змеи глухи от природы. Однако фрументарий был почему-то уверен, что *этот* змей слышит.

– Ну и что ты здесь делаешь? – Квинт постарался держаться непринужденно.

Змей приоткрыл рот, меж зубов мелькнул раздвоенный язык и исчез.

– Жду тебя, – отвечал змей.

Квинт подумал, что рехнулся от страха, коли ему почудилось такое. Но все же спросил:

– Зачем?

– Ищу защиты, – охотно отвечал змей. – Я – гений Тибура. Ты видел убитую змею на рынке?

Квинт кивнул.

– Это тоже бывший гений, – пояснил гость.

– Не надо было превращаться в змею. Превратился бы в человека, как гений Империи, – посоветовал Квинт.

– У кого как получилось. – Змей подмигнул ему желтым глазом.

– Чем же я тебе могу помочь?

Страх потихоньку истаивал. Квинт уже находил ситуацию забавной. Впрочем, особенно расслабляться не стоило: судя по заговору, который устроили гении, пытаясь свергнуть богов и создать новый мир, нрав у них не самый покладистый.

– Прежде всего, поесть, – сказал змей. – Желательно чего-нибудь мясного.

– Человека?

– Предпочитаю пищу не столь экзотическую.

Квинт выскочил из комнаты, запер дверь на ключ и устремился на кухню. В мозгу его вертелись самые невероятные догадки. Хотелось знать, как можно использовать явившегося в столь опасном облике гения. И можно ли вообще его как-то использовать. Ничего подходящего на ум пока не приходило. На кухне под недоуменным взглядом повара Квинт набрал целую корзину объедков.

– Для моего щеночка, – пояснил он.

– По-моему, его уже кормили, – покосился на него краснощекий здоровяк-повар.

– Еще хочет, – Квинт постарался улыбнуться как можно простодушнее.

– Ну и прожора. Никогда таких не видел! А что будет, когда вырастет?

Квинт не ответил и с корзиной понесся назад к комнатам для гостей. Торопился, а сам про себя думал: хоть бы уползла эта тварь куда-нибудь. Вот ведь забота! Валяются гении ему на голову, как переспелые груши. Сначала Гимп, теперь этот. Как его звать-то? Гет, что ли? Ну, почти что Гета...¹⁴ Не очень удачное имя. Быть теперь Квинту патроном гениев. Что делать с этой братией? Они капризны, надменны и одновременно беспомощны. И никто не знает, что им может взбрести в голову. Прогнать их, значило обречь на гибель. Но Квинт привык из всего извлекать выгоду – то есть информацию. А в том, что гении владеют информацией, сомневаться не приходилось. Эти ребята ему еще пригодятся.

Змей, однако, никуда не собирался уползть. Лежал на кровати и то раскрывал пасть, то закрывал, то жмурил один глаз, то другой. Квинт не сразу понял, что Гет разглядывает себя в зеркале, осваиваясь с новым видом.

– Кушать подано, – объявил Квинт. – Тарелку, правда, не захватил.

Он едва успел отскочить в сторону, как Гет, скользнув по полу маслянистой молнией, обвил туловище вокруг корзины, жадно распахнул пасть и целиком проглотил кусок ветчины. Сразу было видно, что бывший покровитель Тибура изрядно проголодался.

«Интересно, – подумал Квинт, – знает ли этот тип все, что говорилось и делалось в этом поместье в последние пару сотен лет? Наверняка знает. Но ничего не скажет. Или скажет? А что если его не только накормить, но и немного подпоить?»

Квинт наполнил чашу вином и поставил перед гением. Гет не протестовал.

«Эта тварь видела, как умирал Адриан здесь, в Тибуре», – вдруг дошло до Квинта.

Ему показалось, что на мгновение он заглянул в пропасть. И оттуда, из пропасти смотрят желтые змеиные глаза.

Х

«Гений в каждый дом вошел...» – Дурацкая песенка привязалась к Пизону, и он никак не мог от нее избавиться. Пел ее и в банке, и дома. И даже просматривая «Банковский вестник»... Вот напасть. И сейчас, лежа в постели, мурлыкал под нос.

На кухне послышался грохот. Не иначе, опять старикашка Крул полез в холодильник. Никак старая скотина нажраться не может! А что, если подкрасться сзади, да вытянуть хорошенько старика по спине? Пизон ухмыльнулся, предвкушая. Достал из шкафа центурионову палку из лозы (он обожал всякие военные штучки, хотя никогда в армии не служил и был чело-

¹⁴ Гета – брат императора Каракаллы, убитый сразу же после прихода Каракаллы к власти.

веком сугубо цивилизным) и на цыпочках спустился вниз. У холодильника кто-то копошился. Спина, обтянутая белой туникой, вздрагивала: человек торопливо жрал, сидя на корточках. Пизон размахнулся и огрел воришку по спине. Человек дернулся, закричал. Послышался звон разбитого стекла: мерзавец уронил бутылку. Пизон вновь замахнулся. И замер. Потому что в это мгновение воришка обернулся. Вместо физиономии старика Крула Пизон увидел молодое лицо. Лицо Бенита.

– Что за манеры, папаша? – нахмурил брови сынок. – Или тебе жаль для меня бутылки пива?

– Думал, воры забрались... И зачем ты взял этот бокал?! Он же стоит десять тысяч сестерциев. Таких бокалов всего три десятка в Риме!

– Какой, к воронам, бокал?! Ты мне чуть хребет не переломал! С тебя причитается компенсация, папаша. – Бенит задумчиво разглядывал голубой старинный бокал с золотым узором.

– Что еще? Разве я не перевел на твой счет миллион сестерциев, дабы ты мог пройти имущественный ценз и баллотироваться в сенат! Или этого мало?

– Разумеется, мало. Предвыборная компания стоит бешеных денег. К тому же мне нужен вестник. Хороший вестник, хорошая бумага, совершенно продажные репортеры. Такие стоят дорого. Куда дороже честных.

– Еще и вестник! Как будто мне мало счетов из лупанариев!

– Лупанарии – отдельная статья. Я должен расслабляться. То, что я посещаю лупанарии, создает мне репутацию смельчака, который не боится выставлять свои пороки напоказ. Я играю на контрасте. Элий – добродетелен. Я – распущен.

– Элий не добродетелен, – прошипел Пизон. – Он жил с чужой женой. С моей женой, насколько ты помнишь.

– А ты все еще ее ревнуешь к Элию? Или может, даже ко мне? – хмыкнул Бенит. – А потому хочешь поставить на Криспину и на ребенка, которого она родит? – Бенит повернул бокал в пальцах – вот-вот уронит.

– Я ставлю на вас обоих, – осторожно проговорил Пизон, краем глаза наблюдая за пальцами Бенита. Голос его сделался сладок. – Что-то вроде соревнования... Кто победит, тот... так сказать... и получит все.

– Ты сомневаешься в моей победе? – Бенит подкинул бокал и поймал.

– Согласись, что тебе стать императора сложнее, чем Криспине родить здорового мальчугана.

– Глупо, папаша. Ты зря потеряешь сестерции, которые отдашь Криспине. Лучше постарайся вытянуть из нее как можно больше денег. Какой-нибудь государственный заказ. Пусть Руфин посодействует. – И он швырнул бокал Бениту.

Тот не поймал. Драгоценное стекло голубыми льдинками с золотыми высверками разлетелось по мозаичному полу.

– Я же говорил, что ты потеряешь уйму денег. – И Бенит пропел, уходя: – «Гений в каждый дом вошел...»

Глава V

Игры Сервилии Кар

«В пресс-службе императора заявили, что Руфин Август разводится со своей супругой исключительно из государственных интересов».

«Чем грозит появлению антропоморфных гениев? Сенат никак не может решить, опасны гении в новой ипостаси для бывших подопечных. Нужно ли ввести какие-то специальные удостоверения для гениев? Радикалы предлагают особое клеймение. Однако такое предложение сенаторы отвергли. Даже во времена официального рабства клеймили только беглых рабов и преступников. Теперь, когда принята «Декларация прав человека», Рим не можем обсуждать такие меры. Однако что-то предпринять необходимо. Согласно последнему эдикту императора, разрешен «тест на гениальность» в случае, если гений пытался занять место своего бывшего подопечного. С помощью теста можно выяснить, кто есть кто. Однако эта временная мера вызвала бурю протеста.

Вигилы регистрируют гениев по трибам, дабы установить, кто из римских граждан обзавелся двойником, но процесс идет крайне медленно. Необходима ясная законодательная база».

«Народные трибуны наложат вето на любой закон, ущемляющий права человека».

«Общество охраны животных предлагает запретить убийство крупных змей, а так же взять под особую охрану кошек».

«Акта диурна», 6-й день до Календ октября¹⁵.

I

Юпитер заснул на серебряном ложе, держа в руках недопитую чашу, и сладкий густой нектар пролился на белую шерсть хламиды. Повелитель богов и людей стонал и причмокивал во сне: ему, как и людям, снились сны, и в этих снах он вновь был молод так же, как и его мир. Несокрушимый и могучий, он сражался с титанами и повергал их в Тартар. Мир был молод и готов на безумства. Люди и боги не слишком отличались друг от друга. Люди рьяно служили богам, и власть Юпитера была неколебима, как власть отца в Риме. Хорошо, когда ты молод. Но молодость проходит слишком быстро.

Юпитера разбудила Юнона. Она ворвалась к супругу с криком, размахивая зеркалом аквилейского стекла в золотой оправе. Юнона уселась на ложе Юпитера, повернула голову, будто собиралась позировать перед скульптором, и коснулась холеным пальчиком уголка глаза.

– Взгляни, – прошептала она дрожащим голосом.

Юпитер сонно хлопал глазами.

– Ну и что... щека, веко...

– Морщина! – воскликнула Юнона в ужасе. – Да не одна, а целых три! И рядом с другим глазом – тоже. Ты понимаешь, что это значит?

Юпитер погладил завитки густой бороды, разметавшейся по груди. Борода была почти совсем седая. Повелитель богов вынул зеркало из рук супруги и принялся разглядывать собственное отражение. Вокруг рта залегли глубокие складки, на переносице – морщина, как

¹⁵ 26 сентября.

скальная трещина. Но то следы тягостных раздумий, а не признаки старости. Вот только седина. Хотя ее тоже можно считать символом мудрости. Да, да, седина, это мудрость, как же иначе. Ведь боги бессмертны. Боги вечны и блаженны. Так считают люди.

Юпитер вернул зеркало Юноне.

– Так что же мне делать? – спросила богиня.

– Вкушай больше амброзии.

– Я и так ем с утра до вечера! А что толку? Я лишь полнею! Мы стареем, Юпитер! Неужели ты не видишь?!

– Я – нет. Я сделался мудрым, – заявил повелитель богов не терпящим возражений тоном.

Юнона выскочила из комнаты, оставив позади себя запах дорогих галльских духов. Опять шлялась на землю, разгуливая по улочкам Лютеции, закутавшись в паллу, заглядывала в парфюмерные лавки и уютные уличные таверны под пестрыми тентами, кокетничала с белокурыми длинноволосыми галлами. В этом вся беда – боги слишком зачастили за землю. Нет, чтобы сидеть в Небесном дворце и... спать. Почему спать? Что за чушь? Юпитер громко зевнул и прикрыл рот ладонью. Может, он в самом деле много спит?

Юнона вернулась. И не одна. С нею пришла Минерва.

– Она тебе все объяснит, – сообщила Юнона.

Юпитер вздохнул. Ему опять мешают спать. Пусть бы лучше отправлялась Минерва в Александрию, да присматривала за обожаемыми академиями, только бы оставила старого отца в покое. Старого? Неужели он так и подумал – «старого»?

– Все дело в повышении уровня радиоактивности, – сообщила Минерва.

– Что? – не понял Юпитер, потому что в это мгновение провалился в сон.

«Морфей, проказник, шутит», – подумал Юпитер и вновь отчаянно зевнул, рискуя вывихнуть челюсть.

– Люди изучают радиоактивные элементы, не принимая мер предосторожности. Даже небольшой естественный фон заставляет нас метаморфировать. А самая распространенная метаморфоза – старение. Дополнительное Z-излучение ускоряет этот процесс. Z-излучение бывает трех видов – альфа, бета и гамма, по первым трем буквам греческого алфавита...

– Да, да, я что-то слышал, – отвечал Юпитер. Не ясно было, что он слышал – про греческий алфавит или про радиоактивность.

– Особенно опасно для нас гамма-излучение.

– Слышишь? – спросила Юнона тоном неподкупного судьи и топнула ножкой.

– А молодеть не может заставить? – переспросил Юпитер.

– Гамма-излучение может заставить нас кардинально переродиться. Но для этого нужны сильные дозы облучения. И никто не знает, чем кончится такая метаморфоза. Это большой риск.

– Большой риск, – повторил Юпитер, и глаза его вновь сами собой закрылись.

– Все дело в уране, – сказала Минерва.

Юпитер сделал отчаянное усилие и открыл глаза.

– Старик Уран? Уж он-то должен стареть быстрее всех...

Минерва раздраженно тряхнула головой:

– Элемент, который люди называют ураном. Вот нынешний бог земли. И он может погубить нас всех.

– Какой плохой, – покачал головой Юпитер. – Так скинь его подальше в Тартар. Чтобы людям было до него не добраться.

И Юпитер заснул.

– Скинуть все запасы урана в Тартар, – прошептала Минерва. – Хотела бы я знать, как это можно сделать. И не начнут ли души преступников, заключенных на дне Тартара, перерождаться точно так же, как и боги.

– А что с морщинами?! – воскликнула Юнона. – Их что, будет больше?... – она хотела еще что-то спросить и замолчала.

В золотых волосах Минервы она разглядела седой волос. Один, потом второй. Богиня мудрости тоже старела. А ведь Минерва была гораздо моложе Юноны.

II

Два кота сидели на крыше и смотрели на Вечный город. Один кот был сер, другой черен. У черного кота были голубые, как льдинки, глаза и белые усы. У серого глаза зеленые, как изумруды. Солнце всходило. Его лучи горели на золоченой черепице, вспыхивали на золотых крыльях бесчисленных Ник, венчающих колонны, горели на золоченых квадрагах, которыми правили боги и богини, мчась в лазурное небо. Серый кот, глядя на это великолепие, тоскливо мяукал, черный смотрел молча.

– Жаль, что нам не удалось переделать этот мир, – сказал черный кот. – Потому что теперь нам придется в нем жить.

– Мне не особенно здесь нравится, – признался серый. – Я не ел три дня. Не знаешь, где можно перекусить?

– Лови мышей, – посоветовал черный.

– После того, как я питался амброзией, употреблять мышей неприлично.

– Говорят, в одном доме можно подкормиться, – ответил черный и зевнул. – Молоком.

– А нас там не убьют? – обеспокоился серый.

– Ты ценишь свою жизнь? – презрительно фыркнул черный. – А я, признаться, нет.

III

Поезд вынырнул из тоннеля. После тьмы солнце ударило в глаза, и Юний Вер зажмурился. На ощупь отыскал мягкую ткань занавески и прикрыл лицо. Когда он вновь распахнул глаза, то увидел зеленые и серебристые квадраты полей, аккуратные домики и синие холмы вдалеке. То там, то здесь в кронах мелькало золото. И при виде этого золота странная сосущая тоска наполняла сердце. Хотелось постичь смысл этого грандиозного увядания, сознавая, что постичь его невозможно. Все имеет душу. Дерево, дом, плодоносящее поле.

«Вернее, имело», – поправил себя Юний Вер.

Ныне души отделились от людей и природы. От всего. Дух стал материален и примитивен. Суть встала на одну ступеньку с формой. Никто еще не осознал происшедшей трагедии, никто не попытался ее постичь. Дом – пустой, и город – без души. Никто не поможет художнику написать картину, никто не подскажет поэту волшебные строки. Некому остановить руку убийцы. Некому спасти ребенка из-под колес авто. Некому просто шепнуть: «Надейся!» Некому затаиться в зарослях олеандров, чтобы старику было не так одиноко дремать на скамейке в саду. Все суетятся, пытаясь заглушить звенящую пустоту в душах, не замечая самой пустоты.

Да сознавали ли боги, что они совершили!?

Вопрос риторический – боги никогда не отвечают людям. Поток катится куда-то, но внутри него существует только статистическая вероятность, и ничего больше. Веру как бывшему исполнителю желаний это было хорошо известно. Да и что такое сам Дар исполнения желаний? Всего лишь математическая формула, в которой вероятность любого события пятьдесят на пятьдесят. Только и всего. Двоичная система счета, за которую так ратуют математики в Александрийской академии. Ноль или единица, и другого выбора нет.

Колеса поезда ровно стучали на перегонах. На столике перед Вером подпрыгивал в такт стакан со льдом. Рядом лежал красочный проспект. «Римские железные дороги – самые пря-

мые, самые скоростные дороги в мире», – гласил заголовок. Кто спорит! Римские дороги – всегда самые лучшие.

Бок по-прежнему нестерпимо жгло. Опухоль так разрослась, что казалось, будто Вер прячет под туникой огромную тыкву. Приходилось прикрывать бок полою плаща. Каждый раз, касаясь опухоли, Вер поспешно отдергивал руку, будто боялся обжечься. Но в эти короткие мгновения он ощущал, как внутри опухоли что-то пульсирует. Вер выглядел ужасно. Глаза запали, губы потрескались и сделались серыми. Какая-то женщина хотела занять место напротив него, но глянула ему в лицо, и поспешно ушла.

Он должен что-то исправить в этом мире. Но он не знал – что. Решение существует, но где его искать? В голову приходили тысячи мыслей. Многие из них были хороши. Но все – не подходящи.

– Не то, не то, – шептал он вслух.

«Нереида... Нереида... Нереида...» – стучали колеса.

«Скорее, скорее, скорее», – умолял их Вер.

Юний Вер приближался к разгадке своей тайны.

IV

В Кельн проезд прибыл уже в сумерках. Вер вышел и вагона, и рухнул на ближайшую скамью. Сидел, пытаясь прийти в себя. Сердце билось как сумасшедшее. И в такт ему пульсировала проклятая опухоль. Капли пота стекали по лицу, волосы слиплись и повисли прядями, напоминая перья больной птицы.

– Отвезти тебя в больницу, доминус? – спросил рыжий парень в кожаной куртке, отороченной мехом. – Денег не возьму.

– Нет, мне нужно в горы, а не в больницу. Знаешь, где находится Крепость Нереиды?

– Слышал, – кивнул парень. – Далековато. Только я тебя не повезу в ту крепость. Тебе в больницу надо.

– Никаких больниц. И это я тебе сейчас докажу. – Вер поднялся.

Он и сам не знал, откуда взялись силы. Вытащил меч из ножен. Поднял. Парень попятился. Удар. И часть подлокотника отлетела от скамьи: клинок срезал ее, будто брикет с маслом рассек.

– Теперь ты понял, что мне не нужна больница? – усмехнулся гладиатор и бросил меч в ножны.

– Ага... понял... – закивал парень. – А лицензия на оружие у тебя есть?

Вер молча вытащил из-под туники кожаный ремешок, и на нем серебряный кругляк.

– Знак легионера... Что ж ты мне сразу не сказал! – засуетился парень. – Поехали. Хоть сейчас. Только я обратно там пассажиров не найду. Придется брать двойную цену. Сто сестерциев. – Парень нарочно завысил сумму в два раза. Наверняка этот псих откажется. Откуда у него сто сестерциев? Пускай посидит здесь, отдохнет, а через пару часов вигилы отправят его в больницу.

Но странный пассажир достал кошелек и протянул водителю две купюры по сто сестерциев каждая.

– Вези, – приказал кратко.

– Всего сто... – уточнил парень, решив, что настолько обдирать больного человека неприлично.

– Да, я слышал, что сто. Но даю двести. Вези, – повторил Юний Вер.

V

В приемной кандидата Бенита царил суета. Все куда-то спешили, ругались, на ходу заглывали кофе, спорили, хватались за телефонные трубки, а те сами взрывались в руках оглушающими трелями. Но у этого хаоса было свое божество. И имя божества было Бенит Пизон.

Наверное, именно эта мысль мелькнула в мозгу молодого человека в безупречно белой тоге, когда он пробирался между столами секретарей и доверенных лиц кандидата, сжимая в руках толстую кожаную папку с бумагами. По долгу службы тога ему полагалась «белая» – то есть слегка желтоватая, имеющая естественный цвет шерсти. Но из какой-то особой щеголеватости младший служащий адвокатской конторы носил тогу почти такую белоснежную, как у кандидата. Глядя на воодушевленные лица и слыша восторженные возгласы подчиненных Бенита, молодой человек позабыл, зачем пришел. Он старательно впитывал запах этих комнат – пьянящий запах грядущей власти. Адвокат, несмотря на молодость, обладал безошибочным чутьем. И после первого, самого поверхностного взгляда он понял, что Бенит осужден победить. Как будто Бенит купил клеймо, и оно уже выиграло. Ибо по природе Бенит был исполнителем желаний – своих собственных, разумеется.

Юноша самодовольно усмехнулся и пробормотал едва слышно:

– В подобных случаях главное – вовремя присоединиться к будущему победителю.

Он прошел в таблин Бенита, все еще улыбаясь, и восторженно взглянул на кандидата, будто узрел перед собою небожителя. Комната Бенита была просторна, тогда как вся прочая братия ютилась в двух крошечных каморках. Бенит сидел за огромным письменным столом и что-то быстро писал, чиркая и царапая бумагу. Он заставил посетителя подождать пару минут, и лишь тогда поднял голову.

– Рад, что ты пришел, Гай Аспер. Присаживайся. Все сделано, как я просил?

– О да, сиятельный муж, – Аспер обращался к Бениту, как полагалось обращаться к сенатору, и тот самодовольно ухмыльнулся – он уже верил, что должность в курии им выиграна у прочих претендентов.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, сиятельный. Эта тайна известна всего лишь трем людям в Риме – мне, моему хозяину и Сервилии Кар. И умный человек может ею воспользоваться. Речь идет о Летиции Кар, дочери Сервилии...

Бенит удовлетворенно кивнул.

И тогда Аспер начал говорить. Бенит слушал внимательно. И губы его расплывались в улыбке. Гай Аспер принес ему на блюде сокровище.

VI

По Риму только-только начали ползти слухи о появлении антропоморфных гениев, а банкир Пизон уже понял, что над банковскими вкладами нависла угроза. Тест на гениальность еще не обсуждали в курии, а он уже снял у всех своих вкладчиков отпечатки пальцев и велел каждому завести тайный код. Код этот стал второй подписью. Все шифры счетов и тезариусов были изменены, дабы бывшие небесные патроны служащих не могли воспользоваться капиталами Пизона. Гении после разрыва со своими подопечными узнать их тайны уже не могли. Сам Пизон пользовался теперь вместо подписи замысловатым значком. Пусть в других банках время от времени исчезали неведомо куда огромные суммы, банк Пизона стоял непоколебимо. Недаром Пизон сделался самым богатым человеком в Риме – он предчувствовал события, он предвидел последствия.

Он успевал повсюду – и в банке принять меры, и прибрать к рукам очередной завод в Ливии, и в политических интригах поучаствовать. Убили Александра Цезаря – Пизон тут как тут с самыми искренними соболезнованиями. И будто невзначай бросил: не все потеряно, Август, молодая жена может родить нового наследника. Император опомниться не успел, как Пизон уже подsunул ему Криспину. Да так ловко, что Руфин вообразил, будто сам выбрал эту телку. Шутник Лукина вряд ли думал, что его термин продержится тысячу лет.

Гениев Пизон тоже решил приспособить – отобрал штук семь, положил им жалованье, дал секретаря и стенографистку. Бесплатные закуски носил мальчишка из соседней таверны. Поначалу все шло великолепно: идеи из гениев сыпались, как из рога изобилия. Они бросались мыслями, как мячиками, секретарь тихо балдел, прислушиваясь, стенографистка перевираля, записывая... Потом гении стали постепенно увядать. Новых идей в их словах встречалось все меньше и меньше, их разговоры превратились в вульгарный треп. Напрасно Пизон ставил перед гениями задачи – они воодушевлялись, обещали исполнить, и тут же предавались мерзкому словоблудию, едва Пизон уходил. Через несколько дней двое из семи сбежали, один захворал, остальных Пизон выгнал сам, поняв, что толку от них больше не будет.

Все надежды Пизон теперь связывал с Криспиной. И принялся заваливать эту дуру подарками. Она млеяла, примеряя серьги и кольца. В прежнем ларчике не хватало места, банкир подарил ей новый. А на другой день принес племяннице золотую диадему, украшенную изумрудами. Долго красавица примеряла ее перед аквилейским зеркалом, поворачиваясь и так, и этак. Пизон одобрительно улыбался. Многие считали Криспину глупой. Сами они глупцы. Конечно, она неважно разбирается в философии, и ничего не понимает в высшей математике, но она практична и в житейской ситуации все рассчитывает гениально.

– Пришел что-нибудь разнюхать, дядюшка? – спросила Криспина, не отрывая взгляда от зеркала.

– Ты счастлива, малышка?

– Я выхожу за императора, а он спрашивает – счастлива ли я! Ну, ты и шутник, дядюшка.

– Руфин, скажем так, не молод, – осторожно заметил Пизон.

– Да он любого мальчишку обскачет в постели, – хихикнула Криспина. – Ты это хотел узнать, дядюшка? Это, да? Да не волнуйся, через девять месяцев я непременно рожу наследника. Мне кажется, я уже беременна. Кстати, хочешь какую-нибудь должность? Руфинчик такой милашка, он для меня что угодно сделает. Хочешь быть префектом Рима?

– Нет, нет, – наигранно запротестовал Пизон. – Сенат тут же устроит скандал. Что-нибудь поскоромнее. К примеру – ты можешь открыть в моем банке благотворительный фонд. «Фонд поддержки детей-сирот, жертв Третьей Северной войны».

– Какие сироты, дядюшка! Война кончилась двадцать лет назад! Все сироты либо померли, либо давно выросли.

– Тем лучше для сирот. И для фонда.

– Неплохо придумано. А что еще хочешь?

– Хочу заняться каналом через перешеек в Новой Атлантиде. Хорошо бы финансирование шло через мой банк.

– Зачем тебе этот дурацкий канал? – удивилась Криспина.

– Большие деньги всегда зарывают в землю, – загадочно отвечал Пизон.

– Что-нибудь еще? Давай, проси, пока я щедрая. И главное – щедр мой Руфинчик.

– Что ты знаешь о Цезаре? Как он поживает?

– Бука. Прячется в Тибуре. Говорят, у него новый секретарь из бывших фрументариев. Хитрый до ужаса.

– Как зовут наемника?

– Не помню точно. Кажется, Квинт. Ты только погляди, эти сережки подойдут к диадеме и браслетам!

- Квинт... имя ничего не говорит.
– Ах да, я слышала, что он нанимает к себе на службу гениев. Будто бы те к нему сами бегут.
– Вот как? – Пизон нахмурился. Никто не знает, чего можно ожидать от гениев. Сообщение Кристины ему очень не понравилось. Очень.

VII

Проснувшись, Летти долго лежала в постели и вспоминала вечер накануне. Лишь третий оклик педагога¹⁶ заставил ее подняться. Эту сухопарую перезрелую девицу, которая уже три года изводила ее придирками, Летти терпеть не могла. Что может быть хуже дотошного педагога, который обо всем доносит матери?

– А я знаю, что ты уже не девственница, – сообщила педагог, поджимая губы.

– Я тоже это знаю, – отвечала Летти, пережевывая фаршированное яйцо. – И Сервилия знает. Так что можешь не беспокоиться на этот счет.

– Я бы ни за что не легла с таким уродом. Бр-р...

Летиция швырнула фаршированное яйцо, метя в голову старой девы, но промазала. Ну вот, сейчас эта фурия побежит жаловаться матери.

Разумеется, Летиция опоздала в лицей, а на уроках думала лишь об Элии и о том, что было между ними. Ее тело помнило минуты вчерашней близости. Их первое соединение было и не любовью вовсе, а чем-то вроде жертвоприношения – они ломали свои судьбы наперекор Фатам. Иначе было вчера: еще не любовь, но уже страсть и вожделение. Для Летти это было внове – и для души, и для тела. Она смотрела на знакомых мальчишек, и думала о том, что никто из этих неоперившихся птенцов не может сравниться с Цезарем. Несколько часов назад ее тело принадлежало Элию. Ее грудь, ее бедра, ее лоно помнили эти мгновения. Порой начинало казаться, что мальчишки слышат ее мысли – она ловила на себе их слишком внимательные взгляды.

Она ушла с занятий, и долго бродила по Риму, прикидывая, не поехать ли к Элию в Тибур. Поехать хотелось безумно. Она даже остановила таксомотор, но тут показалось, что кто-то следит за нею, и Летти отпустила машину. Ах, как трудно совладать с собственными желаниями. Как хочется их немедленно исполнить и...

«А что если выйти на арену Колизея и сделаться исполнительницей желаний?»

Сейчас ей все под силу. Даже это. Вот только Элий не одобрит ее выбор.

Она вернулась домой и до вечера пролежала в кровати, вспоминая миг за мигом вечер накануне. Потом вскочила, намазала помадой рот. На листе розовой почтовой бумаги отпечаток ее губ приобрел фиолетовый оттенок. Цветным стилем она вывела наискось «Элий» а дальше исчеркала всю страницу восклицательными знаками. Запечатала письмо и помчалась на почту. Завтра утром Элий получит ее послание. Конечно, это идиотский поступок. Но Летти знала, что Элию ее выходка понравится.

Ему нравились контрасты – ум в сочетании с наивностью, неискушенность – и вместе с тем страстность. Летиции казалось, что он сам сказал ей об этом. Или она догадалась?

«Элий, Элий, Элий», – напевала она, вприпрыжку возвращаясь с почты и одаривая встречных полубезумной улыбкой.

И вновь показалось, что кто-то идет следом. Страх охватил ее, мгновенный, удушающий. Она запаниковала, повернула назад. Остановилась. Нырнула в подвальчик, украшенный заманчивой вывеской. В кофейне было прохладно и тихо. Жужжали вентиляторы, потоки воздуха

¹⁶ Педагог в Древнем Риме – раб, провожавший детей в школу и следившей за их учебой. Во Втором Тысячелетии это человек, разумеется, свободный.

приятно охладили спину. Летиция заказала черный кофе, уселась у окна. Прохожие спешили мимо, все безмятежны и веселы. Лишь кот, лежащий на мостовой напротив окна, смотрел на Летти грустными изумрудными глазами и облизывался. Преследователь не появлялся.

– Куколка, прогуляемся со мной. – Какой-то низкорослый тип с ярко накрашенными губами положил Летиции руку на плечо. Ладонь у него была холодной и липкой.

Летти вздрогнула от отвращения и плеснула кофе в лицо накрашенному наглецу. Вылетела из кофейни. Побежала, стараясь не оглядываться. Знала: кто-то по-прежнему следует за ней.

VIII

Теперь каждый вечер Сервилия устраивала званый обед. В доме уже давно забыли про скромные трапезы в семейном кругу.

Спустившись в триклиний и увидев Бенита, Летти нахмурилась. Она уже сделала несколько шагов к пирующим, когда поняла, что единственное свободное место оставалось на ложе рядом с Бенитом. Она посмотрела на мать. Красавица Сервилия безмятежно смеялась, обнажая ослепительно белые зубы. Рядом с хозяйкой расположился поэт Кумий и льстил непрерывно. Мать как будто не замечала растерянности дочери.

– Мама, я не возьмю рядом с Бенитом! – заявила Летиция громко.

Сервилия наконец ее заметила, глянула насмешливо.

– Чем тебе не нравится наш красавец Бенит?

– Он мне противен.

Бенит захохотал:

– Я всегда любил дерзких девчонок.

– Твое место там, где я распорядилась, – тон Сервилии был непрекаем.

Летиция подошла к известной актрисе Юлии Кумской, частой гостье вечеров Сервилии и, наклонившись к стареющей театральной богине, попросила:

– Юлия, ты не возляжешь рядом с Бенитом?

Актриса улыбнулась так, будто собиралась сказать что-нибудь ласковое, и проговорила шепотом, но шепотом актрисы, который слышен в задних рядах театра:

– Ну, разумеется, милочка, тебе не стоит ложиться рядом с ним. В прошлый раз он засунул мне пальцы в вагину и довел меня до Венериного спазма между первой и второй переменной блюд. Так что ты рискуешь лишиться девственности столь необычным способом.

Летиция вспыхнула, окинула пирующих гневным взглядом и бросилась вон из триклиния. Разрезальщик вытянул руку, чтобы помешать ее бегству. Но она увернулась и выбежала в перистиль. Прохладный воздух сада пахнул в лицо. Летти приложила руки к пылающим щекам.

– Мразь! Мразь! – выкрикнула она.

И неясно бы, к кому относится этот возглас – к Бениту, или к матери, или же к Юлии.

Летиция чувствовала себя такой несчастной. И такой одинокой. Ее никто не любит – даже Элий. Она лишь обманывает себя. *Он не любит, он мучается.* А мать старательно подталкивает ее в объятия этого подонка Бенита. Вновь перед глазами явилась сцена будущего убийства, и пятна крови на сенаторской тоге. Бенита изберут в сенат, а после он кого-то убьет. К несчастью, пророчество не может служить доказательством в суде. К тому же Летиция не видела, кто станет жертвой Бенита.

Общество Сервилии сделалось вульгарным, едва в нем появился этот тип. Теперь все находят нужным пошло шутить и громко смеяться – аура эстетизма и легкого, в границах дозволенного, флирта исчезла мгновенно. Как и хорошие манеры. Мужчинам нравилось говорить грубости, женщинам – их слушать.

В перистиле раздались шаги, и в сад вошел Бенит.

– Куда же ты убежала, маленькая бунтарка?

Летти попятилась. Но пятиться было некуда. Перистиль был крошечный. Она тут же уперлась в стену.

– О, я понимаю! – самодовольно хмыкнул Бенит. – Тебе захотелось уединиться со мной.

Как видишь, я понял твой призыв. Я здесь.

– Убирайся! – Летти хотела это выкрикнуть, но голос почему-то осип.

– Женщины всегда сопротивляются, зато потом довольны. И ценят в мужчинах только одно – грубость. А я умею быть грубым.

Он сгрел ее в охапку и сжал изо всей силы, будто собирался переломать позвоночник.

– Женщинам нравится, когда их так обнимают!

Летиция всадила зубы ему в плечо и ощутила во рту вкус крови. Бенит взвыл по-звериному и ударил ее по голове. Она упала, отлетела к стволу пальмы. Несколько мгновений лежала неподвижно. Потом вскочила и с неожиданной резвостью рванулась вон из перистиля. Бенит попытался удержать ее, успел ухватить за грудь. Схватил, будто это не женская грудь была, а плод, который надо сорвать. Летиция закричала. Но вырваться не смогла. Одной рукой он стиснул ее, прижимая руки к телу, а другой задрал платье. Она напрасно дергалась, пытаясь освободить руки – бесполезно!

– На помощь!

Почему никто не идет? Почему? Она попыталась пнуть его коленом в пах – не получилось. И тут за спиной Бенита мелькнула чья-то тень. Чьи-то сильные руки оторвали Бенита от Летиции, подняли в воздух и швырнули в бассейн. Брызги обдали фонтаном лицо и платье Летиции. А неизвестный сказал: «Идем!» И взял ее за руку, как маленького ребенка. Они выбежали из перистиля и помчались наверх по лестнице. Руки у незнакомца были сухие и горячие, как руки больного лихорадкой. Но вряд ли незнакомец был болен – в нем чувствовалась удивительная сила. Когда они вступили в полосу света, Летти заметила, что ее спаситель молод – на вид ему не больше двадцати пяти. Но при этом он выглядел умудренным мужем, почти стариком. От незнакомца исходил запах какой-то немислимой древности. И еще от него пахло, как пахнет от нагретой настольной лампы – горящей пылью. Он был огонь и седая пыль – одновременно.

Незнакомец довел Летти до дверей ее спальни.

– Запрись и никого не пускай к себе, даже мать, – посоветовал он.

И осуждающе покачал головой, будто выносил приговор красавице Сервилии.

– Кто ты? – Она попыталась заглянуть ему в глаза.

Глаза были темны, насмешливы, печальны.

– Меня послал Элий. Я служу в его охране.

Прислал Элий? Значит, он все-таки беспокоится о ней. У Летиции запылали щеки, а на глазах выступили слезы.

– Не уходи, – взмолилась она. – Мне страшно.

– Я не уйду, буду рядом. Но и ты будь осторожна. Очень прошу... – Его голос дрогнул. Или ей показалось? Как прежде в его жесте почувствовалась необыкновенная нежность.

Летти вбежала в свою комнату и защелкнула замок. Значит, Элий думает о ней. Не любит, но думает. Ей казалась, что между ними огромная стена. Выше римских стен, обветшалых, могучих, заложенных еще самим Траяном Децием. И надо через эту стену перелезть. Она готова. Даже если Элий не подаст ей руки, она все равно окажется рядом с ним. Одной быть так страшно!

Летти вспомнила плесканье Бенита в бассейне и расхохоталась.

И тут же боль отдалась в плече и груди.

«Завтра будут синяки, – подумала она, – будто я шлюха из Субуры, а меня избил сутенер».

В дверь постучали. Настойчиво.

– Летти, это я, открой, – услышала она голос Сервиллии.

– Иди ты к воронам! – Летти выкрикнула ругательство с восторгом.

Сервиллию она ненавидела сейчас больше, чем Бенита. Мать должна была защищать ее, а вместо этого оказалась на стороне подонка.

– Летти, ты можешь сказать, что произошло? Бенит явился в триклиний в мокрой тунике. Он был в ярости.

Ага, она наконец решила поинтересоваться, что случилось.

– Он пытался меня изнасиловать, а я столкнула его в бассейн. – Летиция полагала, что имеет право приписать себе действия своего спасителя.

Последовала пауза, но не слишком продолжительная.

– Он просто ухаживал за тобой. Если бы он захотел взять тебя силой, он бы это сделал. Ты бы не вырвалась. – Сервиллии нельзя было отказать в логике. Она вновь налегла на дверь. – Открой! Вспомни, я спасла тебе жизнь. Хотя и очень рисковала из-за твоей глупой выдумки. – Вместо того чтобы оправдываться, Сервиллия по своему обыкновению обвиняла.

Она никогда не признавал себя виноватой. Никогда.

– Премного благодарна. Но я буду благодарить тебя еще больше, если ты выставишь Бенита за дверь. А жизнь мне спасли Юний Вер и Элий.

Имя Элия привело Сервиллию в ярость. Она изо всей силы стукнула кулаком в дверь. О боги! Да она просто ревнует, и завидует ей, своей дочери! Не к Элию ревнует, нет, ревнует к возможности любить и быть любимой, и выйти замуж по любви, а не продаваться, как пришлось продаться ей, Сервиллии, и делить ложе с нелюбимым, и угождать ему ради его бесчисленных миллионов, ежеминутно подавляя отвращение. А потом, обретя наконец свободу, заводит молодых смазливых любовников, теща униженное тело. Теперь мать хочет и ее, Летицию, приговорить точно к такой же жизни, чтобы дочь повторила ее путь во всем – сначала краткий миг любви, а потом богатство, власть, и рядом человек, которого презираешь.

Летиция вздохнула. А она-то думала, что ее мать куда умнее. И, главное, добрее. Но поняла, что называть Сервиллию доброй неприлично. Летиции сделалось так горько, что на глаза навернулись слезы. Ей так хотелось, чтобы ее кто-нибудь любил.

Глава VI Игры Летиции

«По опросам общественного мнения, за Бенита Пизона проголосовали бы не более двух процентов избирателей шестой трибы».

«По косвенным данным, население Империи возросло на двадцать процентов. То есть лишь каждый пятый гений превратился в человека. Остальные либо погибли во время метаморфозы, либо превратились в котов и змей».

«По данным эмиграционной службы часть гениев, получив временные удостоверения, уже покинула территорию Великого Рима и отправилась в Новую Атлантиду, Конго, Республику Оранжевой реки и даже Винланд¹⁷. Из Новой Бирки пришло сообщение, что Винланд готов предоставить всем бывшим гениям гражданство».

«Власти Месопотамии сообщают о прибытии новых беженцев из Персии».

«Пятнадцатилетняя девушка споткнулась и упала, врезавшись головой в витрину. Осколок стекла перерезал артерию. Девушка скончалась от потери крови. Количество подобных нелепых случаев с каждым днем возрастает».

«Акта диурна», 5-й день до Календ октября¹⁸.

I

В Тибуре Элий чувствовал себя как в ссылке. Может, это и была ссылка, и Руфин недвусмысленно старался показать, что Элий должен держаться вдали от власти. Однако тот, кто родился и вырос в Вечном городе, не может существовать вдали от него, даже если эта «даль» – всего лишь несколько миль, и авто домчит тебя до Рима за полчаса.

Элий не выдержал и приехал в Рим. Его сопровождали только Квинт и секретарь Тиберий. Разумеется, о возвращении Цезаря тут же доложат Руфину. Приближенные и подхалимы начнут гадать, что задумал наследник. Рвется к власти? Претендует на более важную роль? Пусть поломают головы. Ведь никому из них не придет на ум, что он всего лишь хочет спать в своей спальне, и работать в своем таблине. А обедать в триклинии, где на стене сохранилась надпись «Гай обожает брата Тиберия». Фразу эту маленький Элий нацарапал за год до войны. С тех пор стены красили дважды, но надпись всякий раз проступала под слоем краски.

Утром на письменном столе Элия секретарь Тиберий оставил папки. В который раз большая часть бумаг не подготовлена, никаких пояснений. Да и смотрел ли их Тиберий вообще?! Письма не сортированы – деловые послания лежали вперемежку с личной перепиской. Элий сам их разобрал. Последней обнаружилась записочка без подписи. Аромат духов, исходящей от нее, наполнил весь таблин. Элий вскрыл конверт. Жирный отпечаток помады и наискось нацарапано цветным стилем «Элий»! Цезарь невольно улыбнулся и спрятал письмо под тунуку. Мальчишка так бы поступил. Элий подумал, что ведет себя как однолетка Летиции, подыгрывая ей и исполняя ее желания.

«Исполнитель желаний никак не умрет во мне...» – но в этом обращении к своей особе не было упрека.

¹⁷ Винланд – бывшая колония викингов в Северной Америке, в данный момент – независимое государство.

¹⁸ 27 сентября.

Наконец старик Тиберий явился – глаза тусклые, под языком катает таблетку. Наверняка опять сердце прихватило. Старее прямо на глазах – еще вчера лицо его не казалось таким желтым, а щеки – запавшими. Но Элий не мог его выгнать. Хотя бы потому, что этот человек носил то же имя, что и старший брат Элия, погибший на войне. Ради того, чтобы день за днем произносить имя брата Элий готов был простить Тиберию почти все.

– Тиберий, ты просмотрел бумаги? – против воли в голосе прозвучал упрек.

– Не успел, – честно признался старик.

– А ты отправил мой проект закона «О гениях» императору и в сенат?

– Еще нет.

«Сколько ему до пенсии? Два года? Три? Что-то он совсем сдал», – подумал Элий.

Вслух же сказал кратко:

– Бумаг стало слишком много. Не хочешь подыскать себе помощника?

– Подыскать-то можно, – отвечал Тиберий таким тоном, будто во всем был виноват сам хозяин. – Только будет ли молодой бездельник предан тебе, Цезарь. Твой пресс-секретарь Квинт все время отлынивает от работы.

Старика одолевала ревность. Одна мысль, что кто-то может выполнять его обязанности лучше (ну, разумеется, не лучше, но Цезарю-то может показаться, что лучше) сводила его с ума. Появление Квинта повергло Тиберию в панику. Он чувствовал, что вскоре люди совсем иного сорта, молодые, шустрые и беспринципные окружают Цезаря. И им не будет дела до рассудительной порядочности Тиберия, его обстоятельности, его преданности. Они победят только потому, что молоды. А ведь он служил еще Адриану, отцу Элия, он всю жизнь отдал этой семье.

Элий протянул старику папку:

– Через два часа чтобы все было готово.

Секретарь воспринял эти слова как самый строгий выговор. Но повторять свое предложение на счет помощника Элий не стал – знал, что этим еще больше оскорбит старика. Цезарь сам подберет второго секретаря, и Тиберию придется с этим смириться, как смирился с псом, подарком Квинта. Элий взглянул на лежащего в углу таблица щенка. Тот сладко посапывал, положив голову на толстые лапы.

«Здоровенный будет пес, – подумал Цезарь. – Цербер...»

И хотя он позвал щенка мысленно, тот вскинул голову и уставился на хозяина преданными глазами.

«Спи, Цербер, – опять же мысленно обратился к нему Элий. И щенок послушно смежил веки. – Где же Квинт? Пройдоха опаздывает».

Но тут, будто откликаясь на зов хозяина, как прежде откликался пес, явился фрументарий.

– Ты уже говорил с Руфином на счет сватовства? – поинтересовался Квинт.

Элий поморщился.

– Нет еще, – признался неохотно.

– Когда же поговоришь?

– Не сейчас.

– Это почему же? Не стоит тянуть, Цезарь, иначе девчонку уведут из-под носа. Тебе-то, конечно, все равно, но мне ее жаль...

Элий насторожился. Когда речь шла о Летиции, самообладание изменяло Цезарю. Лицо каменело, и он не знал, куда деть руки. Так чего же он тянет? Боится? Но чего?

– Жаль? – переспросил Элий и ненатурально рассмеялся.

– Ну да. За малышкой охотится Бенит. Во всем Риме трудно отыскать второго такого подонка. Бедняжка... – Квинт вполне искренне вздохнул.

Бенит! Элий едва не задохнулся от ярости. Ну нет! Этому типу нельзя отдавать Летти. Бениту вообще никого нельзя отдавать. Собаку, и ту нельзя доверять. К тому же Элий просто

не может бросить Летицию на произвол равнодушной Фортуны, он чувствовал за нее ответственность...

– Я сейчас еду на Палатин, – выдавил Элий. – Переговорю с императором. Руфин не посмеет мне отказать.

Квинт торжествующе усмехнулся и подмигнул неведомо кому. Может быть, спящему Церберу?

II

Сервилия просматривала меню обеда и отдавала последние распоряжения повару, когда запыхавшаяся служанка сообщила о приходе императора Руфина. Поначалу Сервилия не поверила. Неужели император явился, не предупредив заранее о визите?! Сервилия с утра пребывала в дурном расположении духа, и неожиданный визит Августа не улучшил ее настроения. Приход Руфина не сулил ничего хорошего. Матрона поспешила в таблин. Император небрежно развалился на покрытом подлинной леопардовой шкурой ложе и листал последний сборник стихов Кумия. Император был в тоге триумфатора, затканной золотыми пальмовыми ветвями. И это тоже не понравилось Сервилии. А еще больше ей не понравилось, что императора сопровождал Элий. Цезарь тоже был в пурпуре. Элий держался не столь по-хозяйски, он даже не присел, а стоял возле книжной полки, делая вид, что читает вытесненные золотом имена на кожаных переплетах кодексов. Когда Сервилия вошла, Элий поклонился, а император лишь вскинул руку, будто приветствовал не даму, а центуриона преторианцев. Происшедшие с Руфином перемены многих приводили в недоумение. Император выглядел помолодевшим и поглупевшим. И невыносимо самодовольным. Август видел и слышал лишь самого себя. Государственные дела его не интересовали. Даже сообщения о гениях не взволновали. Даже донесения из Персии не тревожили. Руфин вел себя, как разбогатевший плебей. Одевался пестро и ярко, где надо и не надо появлялся в пурпуре и золоте, все пальцы его были унизаны перстнями, а глаза – подкрашены. Ходили слухи, что после убийства сына Руфин помешался – отсюда и его решение жениться, и самодовольство, и некая глуповатость в словах и поступках, и нелепые манеры. Сервилия находила эти слухи правдоподобными.

– Твой таблин – прекрасная картина, – император выставил руки, заключая пространство в квадратик из пальцев. Подсмотрел жест у какого-нибудь киношника. Голос Августа звучал фальшиво, как голос начинающего актера. Но в последнее время он со всеми говорил только так. – Коричневые и золотистые оттенки. Великолепно! У меня есть несколько картин северной школы, написанной в коричнево-золотистом колорите. Я заплатил за каждую полмиллиона.

– Твои картины восхитительны, Руфин Август! – отвечала Сервилия, при этом краем глаза следя за Элием.

– Картины подлиннее жизни. Смотришь и радуешься, и не живешь. Нежизнь – вот радость. – Эти смутные фразы мало подходили к его самодовольному виду. – А мы к тебе по делу, – без всякого перехода сообщил Руфин. – Элий собрался жениться. Мой маленький сынок хочет жениться, – Руфин прищурил один глаз и хитро поглядел на Сервилию. – Жениться – это хорошо. Всем надо жениться. Ты еще не догадываешься, кто его избранница?

Сервилия Кар стиснула зубы, призывая гнев богов на голову хромого калеки.

– Нет, Руфин Август, я не знаю предпочтений Элия Цезаря после того, как Марция Пизон бросила его.

Элий, несмотря на все свое самообладание, изменился в лице. Сервилии показалось, что она почувствовала невыносимую боль Элия. И эта боль ее порадовала. Руфин же просто-напросто не заметил ядовитого укола.

– Ну как же! – Август расхохотался. – Ведь он спас твою дочку от смерти! Любой бы на его вместе влюбился в эту юную взбалмошную особу.

– Да, я помню, чем обязана гладиатору Юнию Веру и Элию Цезарю.

Она намеренно поставила на первое место гладиатора, а Цезаря лишь на второе, желая унижить Элия. Но цели своей не достигла.

– Юний Вер сделал гораздо больше для спасения Летиция, нежели я, – отвечал Цезарь без тени обиды.

– Я заплатила Юнию Веру миллион. За такие деньги можно сделать очень много.

– А сколько ты заплатила Элию? – ухмыльнулся Руфин. – Ничего? О, конечно, мой сынок Элий бескорыстен. Но он влюблен. В твою дочь. И я, его приемный отец, не могу спокойно смотреть, как он сгорает от любви, – Руфину доставляло радость разглагольствовать об этой вымышленной страсти. – И я прошу твою дочь Летицию Кар стать женой моего дорогого сыночка.

Сервилия ожидала этих слов, но покачнулась, как от удара.

«Как он пронюхал? Не может быть!» – пронеслось в голове. О, если б она могла, как Горгона, обращать людей в камень! Ярости бы ей хватило!

– Я могу сказать нет.

Но Руфин пропустил ее «нет» мимо ушей.

– Пусть сама Летиция даст ответ, как это полагается, – вмешался в разговор Элий.

– Я же говорю, мальчик влюблен, – хмыкнул Руфин.

Император намеренно именовал Элия мальчиком. Если Элий в тридцать два – мальчик, то Руфин в свои пятьдесят с лишним – молодой человек. Юлию Цезарю было пятьдесят три, когда он катался по Нилу с Клеопатрой. А Клеопатре – двадцать один. Почти как Криспине.

– Летти плохо себя чувствует и не выходит из комнаты, – соврала Сервилия.

«Два придурка, один хромой калека, другой – сумасшедший, неужели вы оба не видите, что ваше время истекло?» – хотелось ей крикнуть в ярости. Сервилия сдерживалась из последних сил.

И тут дверь распахнулась, и в таблин вбежала Летти. В розовой коротенькой тунике, ярко накрашенная, отчего казалась старше своих лет.

– Приветствую тебя, Руфин Август и тебя, Элий Цезарь! – Она выкрикнула эти слова слишком громко, потому как задыхалась. Не от бега по лестнице – от волнения.

– А вот и Летиция, – слащаво улыбнулся Руфин. – Прекрасная картина – розовое на коричневом фоне. Как розовый фламинго. Мой сыночек воспылал к тебе такой страстью...

«Значит, отважился, – мелькнуло в голове Летиции. – Не любит, но один больше не может. Могу я принять *такое* или нет?»

Сердце гулко бухнуло раз, другой и замерло. Комнату будто заволочлась туманом. Летти увидела зубец полуразрушенной стены, утыканные стрелами мешки с песком. Белые струйки песка вытекали из дыр, как кровь из ран. Чья-то голова, обвязанной красной тряпкой, прикила к камню. Мелькнули лица – закопченные, грязные, коричневые от загара. Одно – с тонким чуть кривоватым носом, с царапиной на скуле. Она не сразу узнала Элия. В шлеме она видела его когда-то на арене Колизея, но в этот раз на Элии не нарядный гладиаторский шлем, а боевой, с вмятинами, не раз выдерживавший вражеские удары. На броненагруднике тоже отметины. Элий подносит к глазам бинокль. Потом поворачивается и что-то говорит немолдому военному в форме преторианца. И тут стрела впивается Элию в шею – как раз между нащечниками шлема и броненагрудником...

Летти вскрикнула, будто ее ударил наконечник. Она поднесла руку к шее и вновь болезненно ойкнула – пальцы коснулись синяка, оставшегося от удара Бенита.

– Да... я согласна... – услышала Летиция свой голос, будто со стороны.

– Летти, ты еще ребенок, – голос матери был так же далек, как продымленная стена и летящие стрелы. – Ты не можешь решать...

– Я не ребенок. Я все знаю. Все. – Она ставила точки, будто гвозди вбивала. Не для Сервилии – для Элия говорила.

Он слушал. Очень внимательно. Ловил каждое слово.

– В прежние времена в брак можно было вступить с двенадцати лет. Теперь – с четырнадцати, – напомнил Элий.

– «... брак создается не совокуплением, а согласием», – процитировала Летиция: перед приходом Элия она как раз просматривала Римское частное право.

– Ну и отлично, – потер руки Руфин и хихикнул, довольный удачей. – Будет двойная свадьба. Августа и Цезаря. Ты рада, Сервилия?

– Я счастлива! – прошипела она гадюкой.

Летти побежала к телефону. Наверняка сейчас будет звонить Фабии. Сервилия выругалась шепотом. Девчонка ее предала. Они могли бы вдвоем править Римом. А она выбрала этого хромого недоумка. Подъем Цезаря будет краток, а падение – длительным и мерзким. Не надо обладать пророческим даром, чтобы это предугадать.

– Бабушка? – Летти старалась говорить бездумно, весело, как и должна говорить девочка ее возраста, поглупевшая от счастья. – Элий Цезарь посватался ко мне, и я согласилась. Приезжай, пожалуйста, немедленно. Я хочу побыть в твоём доме до свадьбы.

Она выразительно посмотрела на мать и повесила трубку.

– Ну, я отбываю, – зевнул Руфин и помахал ладошкой. – А вы тут, детки, поворкуйте. Но без вольностей. – Он хихикнул и погрозил Элию пальцем.

Август вышел, и Сервилия кинулась в атаку на Элия.

– Почему бы тебе не убраться вслед за ним?

– Он уедет вместе со мной, – ответила вместо жениха Летиция и взяла его за руку. – И с бабушкой.

– Ты проходимец. Изнасиловал мою дочь, а теперь решил жениться на ней. – Сервилия чуть не плакала. Кажется, она уже и сама верила, что Элий поступил с Летицией бесчестно.

– Мама! – Летти протестующе вскинула руку. – Это не так!

– Ни тебе, ни Руфину не удержать власти над Римом. Вас обоих прирежут, как ягнят на алтаре. Есть люди посильнее.

– Я не знал, что ты обладаешь пророческим даром, домна. – В его голосе не было и тени насмешки, но Сервилии показалось, что он издевается над нею.

– Я обладаю умом, – огрызнулась Сервилия Кар. – В отличие от своей дочурки. И этого вполне достаточно, чтобы делать прогнозы. Ты никогда не станешь императором, Элий. Запомни: никогда. А Летиция? Она наплевала на меня, и радости в жизни ей не будет. Попомни, Летти, мои слова: когда-нибудь он предаст тебя и твоих детей, твердя, что делает это ради блага Рима!

– Мама!

– Боги тебя накажут, запомни мои слова.

Летиция стояла ни жива, ни мертва. Сервилия всегда предсказывала злое. Это было не пророческое, не от высшей силы шло – от ума. Но ее предсказания всегда сбывались.

Тем временем Сервилия тоже призвала союзника – адвокатскую контору Макция Проба.

«Римляне в затруднительных случаях обращаются не к богам, а к адвокатам», – отметил Элий с усмешкой, хотя знал, что предстоящая встреча не сулит веселья.

– Почему она так меня ненавидит? – шепотом спросил Элий.

Летти пожала плечами. Не станет же она рассказывать, что ей пришлось на ум этой ночью.

Элий провел ладонью по ее волосам. В ответ она порывисто прижалась к его груди и коснулась того места на шее, куда – как только что привиделось – вошла стрела. Так хотелось нащупать на коже шрам! Это бы означало, что стрела уже ужалила Элия, и опасаться больше

ничего. О, если б ей привиделось прошлое! Благословенное безопасное прошлое. Но на шею шрама не было. И Летти прерывисто вздохнула.

– Что с тобой?

Она не ответила. Боялась, что проговорится. Элий верил ее предсказаниям.

Фабия прибыла на несколько минут раньше адвоката Проба. Первым делом поцеловала Летти, а потом чмокнула в губы Элия. Чуть более страстно, чем положено благородной матроне. Она вела себя так, будто не бабкой доводилась Летиции, а подругой. В отличие от своей дочери Фабия умела радоваться тому, что получала. И тому, что получали другие.

– А я знала! Клянусь Геркулесом, я знала, что вы друг к другу не равнодушны. Я еще на вилле Марка Габиния заметила, как вы смотрите друг на друга, и подумала: прекрасная пара. – Она погрозила Элию пальцем – ну точь-в-точь как Руфин, только без глупого хихиканья.

Элий ей не верил. Но это и не важно. Главное, сама Фабия верила тому, что говорила. Мысленно она сочинила об этой паре новый библион – в нем была капля правды и три амфоры вымысла.

«Может, я действительно влюблен, – подумал Элий. – Только один не знаю об этом».

Макций Проб явился в сопровождении Аспера. Старик был невозмутим, молодой адвокат – встревожен.

– Меня обокрали! – воскликнула Сервилия, театрально вскидывая руки. – Они отнимают у меня мою девочку!

Она заплакала. Летти опустила глаза – ей стало неловко.

– Насколько я понял, – вежливо осведомился старый адвокат, – Летиция выходит замуж за Элия Цезаря. Мои поздравления юной красавице.

– Поздравления?! – Сервилия передернулась. – Лучше скажи, могу я сохранять опекунство, если... – она замолчала, уже заранее зная ответ.

– Нет, домна Сервилия. Цезарь должен заключить брак с торжественным религиозным брачным обрядом¹⁹. Как и любой из Дециев.

Сервилия закусила губу.

– Хорошо. Но по достижении совершеннолетия она может распоряжаться своим имуществом самостоятельно?

– Жена, состоящая в таком браке, поступает во власть мужа.

– А в случае развода?

– Получит приданое назад, все по закону.

– А сколько же у меня денег? – робко подала голос Летиция.

– На счетах в различных банках, в том числе в банках Медиолана, Кельна и Северной Пальмиры – около пятисот миллионов сестерциев. А все состояние оценивается в миллиард, включая парфюмерные заводы в Лютетии, золотые прииски в Республике Оранжевой реки, оружейные заводы в Кельне и заводы судовых и автомобильных двигателей в Северной Пальмире.

– Юпитер Всеблагий и Величайший! – воскликнула Фабия.

Летти показалось, что она задыхается. Сервилия была расчетлива, если не сказать – скуповата, никогда не бросала денег на ветер. Только с актерами и поэтами она была щедра, но меценатство – особая статья, такая же необходимость для матроны высшего круга, как расшитое платье или тщательная прическа. Слухи о состоянии Сервилии ходили самые разные. Истинное положение вещей знали только квесторы и цензоры. Но кто мог подумать, что несметные богатства принадлежат Летиции...

– Разве это все не мамино?

¹⁹ Старинная форма брака.

– Твой приемный отец Гарпоний Кар оставил состояние тебе. Твоя мать распоряжается имуществом до твоего совершеннолетия или до вступления в брак. Кроме того, у нее есть личное имущество, но оглашать его стоимость без согласия Сервилии Кар я не имею права, – сообщил Макций Проб.

Элий подумал, что ослышался. Речь могла идти о миллионе, другом... или... Он вопросительно взглянул на Фабию. Та растерянно пожала плечами.

Летти то кусала губы, то начинала смеяться. Она богата! От нее хотели это скрыть и передать ее богатства Бениту, а ее, Летицию, швырнуть безделушкой в качестве приложения. Теперь она была уверена, что Бенит знал о завещании. Не важно, как он пронюхал, но он знал. Вот откуда его настойчивость. Тоже мне, влюбленный! Как мать могла пойти на сговор с этим мерзавцем! Как могла!

А Бенит уже был тут как тут, будто волк из басни, хотя никто его не звал – ни Сервилия, ни Фабия, и уж, конечно, не Летти. Унюхал, нюхач, что жареным запахло. И примчался.

– Где моя любименькая невеста! – воскликнул он, театрально заламывая руки не хуже Сервилии. – Ее украли. Сильные мира сего украли мою любимую девочку! Сервилия, ты обещала ее мне! Летиция, ты дала мне слово! Ты клялась мне в любви, когда мы целовались с тобой в перистиле этого дома, и моя сильная рука ласкала твою юную грудь.

Лицо Летиции пошло пятнами.

– Он лжет! – закричала она. – Он пытался меня изнасиловать. Я его ненавижу! – она топнула ногой от ярости. – Он лжет, – повернулась она к Элию.

– Надо позвать ликторов, – предложил Макций Проб, – и вывести отсюда этого шута.

– Ликторы отбыли вместе с императором, – с ядовитой усмешкой напомнила Сервилия. – Зови вигилов, если охота.

«Неужели ей доставляет удовольствие меня унижать?!» – Летиция с изумлением смотрела на мать, будто видела впервые.

Бенит заметил улыбку хозяйку и, воодушевленный, продолжал ломать комедию:

– Летти, девочка моя, Цезарь женится на тебе лишь из-за денег. Тебя он не любит. Весь Рим знает, что он до сих пор мечтает о Марции. Ты ему не нужна. Ему нужны твои миллионы.

Тут Бенит совершил ошибку. Таблин был невелик, и Бенит подошел с лишком близко к Элию. Никто даже не заметил, что сделал бывший гладиатор. Один взмах руки, один поворот кисти, и Бенит повалился к ногам Цезаря, хрипя и царапая ногтями ковер.

– Я не позволю никому оскорблять мою невесту и меня, – глухим голосом произнес Элий. И Цезарь вышел из таблина вместе с Летицией и Фабией.

Сервилия стояла у окна и смотрела, как ее дочь навсегда покидает родной дом. Летти даже не оглянулась.

«Этот подонок ограбил меня... вдвойне ограбил...»

Тем временем Бенит поднялся с ковра, отряхнулся и потребовал вина и фруктов, будто хозяином в доме был он, а не Сервилия. Минут пять он сыпал проклятиями, а потом вдруг рассмеялся:

– Дорогуша, мы проиграли одну партию. Но это не значит, что мы проиграли игру. Не волнуйся. Очень скоро мы вернем свое. Если ты на моей стороне.

– Меня все обманывают, – прошептала Сервилия. – Гарпоний оставил состояние этой дурочке, а я ничего не знала. Когда вскрыли завещание, когда я услышала, что все достается ей, чуть с ума не сошла. Но я умею хранить тайны. Летти не знала, насколько она богата. Ради ее же пользы. Я не потакала ее слабостям, растила в строгости. А она предавалась каким-то глупым мечтаниям. И в конце концов выбрала этого хромоногого. Ну, ничего, этот брак им обоим принесет несчастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.